

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВА & ТИАНА ТЕССА

Дочь
ЛУЧШЕГО
ДРУГА

Юлия Николаева
Тиана Тесса
Дочь лучшего друга
Серия «Под запретом»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68042902
Дочь лучшего друга: Avtorskie-txt; 2022

Аннотация

Я закоренелый холостяк и бабник, она умница и скромница. И ещё дочь моего когда-то лучшего друга, которого я не видел почти двадцать лет. Друга, готового пристрелить любую особь мужского пола, взглянувшую на его дочь. Да я и не стремился вроде, пока однажды девчонка сама не пришла ко мне с необычным предложением.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	69
Глава 10	72
Глава 11	78
Глава 12	85
Глава 13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Юлия Николаева, Тиана Тесса Дочь лучшего друга

Глава 1 Рома

Имя «Кристина» периодически светится на экране уже какое-то время, и это выводит. Вот сука. Мало того, что из-за нее у меня теперь проблемы, так ещё и звонит непрерывно. Неужели сложно дойти своими куриными мозгами, что если я не отвечаю, значит, не хочу ее слышать?

Ещё пару дней назад я надеялся решить с ней все миром, но она явно не из тех, кто понимает с первого раза, что значит конец.

Добавляю бывшую подружку в черный список и тут же вижу дорожный знак с названием города, оповещающий, что я, собственно, приехал.

То ли настроение паршивое, то ли город и впрямь за эти двадцать лет изменился к худшему. Не собирался я сюда возвращаться, но обстоятельства порой сильнее нас. Впрочем, если все не так уж скверно, я еще успею свинтить ку-

да-нибудь на море, погреть задницу в компании какой-нибудь пышногрудой блондинки. Может, даже не одной.

Я еду, почти не глядя на указатели. Руки сами крутят руль на нужных поворотах, улицы мелькают сбоку, улавливаемые краем глаза. Возникает ощущение, будто я отсюда вообще не уезжал. Неприятное такое ощущение. Сколько помню, все время пытался изжить из себя провинцию, выбить образ мыслей, манеру речи, походку. Оказывается, это сложно, в Москве деревенщину различают с большого расстояния. И на близкое подпускают с неохотой.

Но Борцовы же, блядь, не сдаются. И я сделал это, покори́л Москву, как бы пошло это ни звучало.

Отчий дом появляется неожиданно, как только я выворачиваю из-за угла. Рассматриваю его без какой бы то ни было ностальгии, наоборот, со странным чувством удовлетворения, что нашел в себе силы удрать отсюда. Не представляю, какое здесь будущее? Точнее, отлично представляю: работа пять-два с мизерной зарплатой, пилящая жена и семеро по лавкам, машина, квартира в кредит. Хуйня, а не жизнь, короче.

Паркуюсь на свободное место, выхожу, ловя на себе заинтересованные взгляды. Игнорируя их, иду к подъезду. Надо же, поставили железную дверь с домофоном, достижение, прогресс идет семимильными шагами.

Нажимаю на домофоне номер квартиры и кнопку вызова, буквально бью по ней рукой, выслушиваю несколько про-

тяжных гудков, после чего раздаётся мужской голос:

– Кто?

Так и подмывает ответить: «Дракон в пальто». Я вообще злюсь, что пришлось сюда вернуться, но видимо, дела у матери совсем плохи, если даже отчим звонил, а с ним у нас вообще не сложилось. Поэтому, как бы я не хотел отправиться с развлекательной программой в отпуск, решил хоть ненадолго зарулить в родной город, и то, когда уже ехал по трассе. Совесть, мать её. Откуда только взялась?

– Это Роман, – отвечаю, вдруг сожалея, что не предупредил заранее о приезде. Да я и сам точно не знал, даже вещей не взял толком. – Борцов Роман Александрович, – намерено выделяя отчество, поясняю, наклонившись к домофону.

Я, конечно, уже взрослый мужик, но как и тогда, в детстве, мне хочется подчеркнуть – мы не родственники. Не нравился он мне никогда.

– Рома... – слышу тихое в ответ, и тут же звучит протяжный гудок, оповещающий, что замок разблокирован.

«Просто проверю, как там мать, – успокаиваю себя, – а потом свалю».

Уже заметил, когда сюда ехал, кафе, с виду на уровне, удивительно, но проезжая по улице, вообще мало рекламы встретил, и был рад обнаружить что-то приличное, голоден я не на шутку.

Поднимаюсь на нужный этаж: в дверях меня встречают хмурый отчим и неуверенно улыбающаяся мать. Выглядит

она и впрямь не очень, хоть и пытается казаться бодрой. Предлагает ужином накормить, суетится, что я с дороги, волнуется так, что дрожат руки. Отчим смотрит все это время осуждающе. Да не твое дело, почему я не приезжаю по выходным, как примерные сыновья.

Звучат предложения чая, кофе, я замечаю банку растворимого, чай в пакетиках и морщусь. Москва нормально прополоскала меня на предмет предпочтений, поэтому вслух я вру, что не голоден. Да и вообще чувствую, что кусок в горло не полезет под этими пристальными взглядами и немymi вопросами.

Для приличия интересуюсь делами, что-то отвечаю про свои и стараюсь поскорее уйти, обещая, что после того, как отдохну с дороги, зайду посидеть нормально.

Неприятная тяжесть в груди одолевает так, что становится неловко, и я, мать его, такую неловкость последний раз чувствовал, когда с Костровым выпендривался перед девчонками, разводя на групповуху. У обоих опыта ещё не было, девочки согласились, а мы... В общем, облажались.

Выхожу с поганим ощущением, что сын я и впрямь херовый. И раньше это знал, только не волновало. А сейчас просто наваливается с новой силой, когда я обещаю, что задержусь в городе. А как же юг? Пышногрудые красотки? Убеждаю себя, что это ненадолго, разберусь за пару дней и рвану прочь.

Но что-то мне подсказывает: планы я поменяю.

Забегаловка оказывается действительно приличным заведением. Не московского уровня, конечно, но для небольшого городишки вполне неплохо. Уже перехожу к десерту, когда слышу рядом мужское неуверенное:

– Ромка?

А затем громче:

– Борцов, ты?!

Поднимаю взгляд, в принципе, догадываясь, что небольшой город – это постоянные встречи с прошлым. Грузный мужчина, костюм среднего класса, часы массивные, галстук. Мужчина щурится, глядя на меня, а я перебираю в памяти, кто бы это мог быть. Складка между бровей, круглое незнакомое на первый взгляд лицо, но все же что-то узнаваемое в нем есть. Я открываю рот, вдруг разглядев в этом мужчине своего когда-то лучшего друга:

– Мот? Матвей?

– Рэм! – расплзается улыбка на лице Кострова, и он, не спрашивая разрешения, опускается напротив.

– Представляешь, редко сюда заглядываю, а тут решил зайти, как чувствовал! А ты красавчик, за фигурой следишь? Помню-помню правило твоих трёх «с». Как там: сон, спорт, секс. Слушай, ну тебе никак не дашь сорокет. Открой секрет, Борцов!

Я сначала удивляюсь, как просто он завязывает разговор, ведь мы двадцать лет не виделись. Но Матвей так открыто смотрит, ожидая ответа, что я легко выдаю одно из своих

убеждений:

– Жениться не надо было, – ухмыляюсь, вспоминая, что тот ещё в институте решил связать себя узами. – Хорошее дело браком не назовут. Сколько у тебя спиногрызов уже? Пятеро? Семеро?

– С ума сошел? – смеётся в ответ Матвей, и становится как-то тепло на душе. Отпускает. Не ожидал, что мне хоть что-то в этом городе понравится, и безмерно рад, что Костров отвлекает меня от разных дум. – Дочь у меня только, – глаза его светлеют, взгляд добреет. – Шурочка. Умница, красавица, на уме только учеба. Ангелочек наш.

Я тут же представляю девчушку, которая вьет веревки из папочки.

– И сколько лет ей? Десять? Не переживай, время беспощадно, скоро достанешь ружье и будешь отстреливать уха-жёров, это пока что у нее учеба на уме, а потом... Помнишь, как мы на первом курсе тусили? Девушки мамам и папам говорят, что в ночную библиотеку, а сами к нам в общагу.

Я смеюсь с этих воспоминаний, Костров тоже, но недолго. Затем его лицо меняется, и складка между бровей становится глубже:

– Восемнадцать ей, и любого, кто решит к ней подкатить, я готов намотать на двустволку.

Поперхнувшись, замечаю, что время и впрямь летит быстро. У Кострова уже взрослая дочь. А я вот закоренелый холостяк. Впрочем, меня все устраивает.

Глава 2

Саша

Я сталкиваюсь с отцом, выходя из комнаты. Совершенно неожиданно, потому что он обычно возвращается с работы в семь. Кидаю взгляд на часы: половина шестого.

– Ты рано сегодня, – говорю ему, ловя оценивающий взгляд.

Сканирует мою внешность на предмет лишних, на его взгляд, деталей. Но я выгляжу безупречно, с его точки зрения, конечно: платье до колена с неглубоким вырезом, косметики на лице почти нет. Немного брызнула духами, да и то, унюхать можно, только находясь чуть ли не лицом к лицу. К счастью, настолько близко отец меня не исследует.

– Старый друг зайдёт в гости, – отец вдруг улыбается, – не виделись с ним со школы, представляешь? А ведь дружили с детства, выросли в одном дворе, он на пятом этаже жил, я на третьем.

Вижу, что отцу и впрямь приятны эти воспоминания, но ничего не могу с собой поделаться, снова поглядываю на часы. Мы договорились с девчонками встретиться и посидеть в кафе, а так как время возвращения у меня строго детское, не хочу терять ни минуты.

Отец замечает мой взгляд, хмурится и снова придиричиво

оглядывает. Все-таки не находит ничего эдакого, потому что отступает. И когда я начинаю думать, что пронесёт, говорит:

– Я хотел бы, чтобы ты осталась, – ловит мой недоуменный взгляд и добавляет, – хочу познакомить Рому со своей семьей.

Отлично. Я и так из дома вырываюсь чуть ли не по праздникам. А теперь придется сидеть в компании сорокалетних мужиков, вспоминающих о былых временах, когда они еще что-то могли.

К счастью, его слышит мама, выходя из кухни, говорит:

– Пусть Шура ходит, развеется.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Сколько раз просила меня так не называть? Все же улыбаюсь ей с благодарностью.

– А что у вас за компания? – хмурясь, интересуется отец, и я готова проклясть все на свете за то, что не ушла на десять минут раньше.

– Обычная, – буркаю в ответ, проходя в прихожую, надеюсь таким образом ускорить свой уход.

– А Роман скоро придет? – спрашивает мама отца. – Видел, на лестничной клетке опять света нет?

– Видел. Черт бы их побрал, – ворчит отец, – за что только я плачу коммунальщикам?

Я планирую убежать под его ворчание, но он снова устремляет на меня свое внимание.

– Надеюсь на твое благоразумие, – говорит мне, уходя в

кухню, где хлопчет мама.

Обуваясь, слушаю ее слова:

– Матвей, ну что ты в самом деле, да Шура даже целоваться не умеет, наверное, а ты...

Обида прошибает неприятной горечью во рту. Откуда ей знать? Откуда такое мнение? Или родители априори считают меня маленькой девочкой, которая не способна привлечь мужское внимание? Не умеет целоваться... Может, в этом все дело? Может, я действительно, какая-то неправильная, поэтому у нас с Димой все так получилось? Точнее, не получилось.

Я выбегаю на лестничную клетку, чтобы скрыть непрошенные слезы. Давлю их в себе, сбегая по ступеням. Злость и тупое отчаяние бьет в виски, я стучу невысокими каблуками, и кажется, они громыхают на весь подъезд. Не умею целоваться? Да какое они имеют право выносить мне такие приговоры? Неужели не понимают, что это, как минимум, обидно?!

Мое движение вниз заканчивается резко. В полной темноте я врезаюсь в кого-то. Нос тут же наполняется ароматом мужской туалетной воды, терпкой, но со свежим запахом цитруса. Дразнящий аромат и опасный. Не знаю, почему такие ассоциации приходят в голову. Сильные руки ловят меня в темноте, сжимают талию, и воздух уходит из легких, словно этот человек выпустил его. Сердце начинает громыхать, внутри сжимается пружина. Я чувствую дыхание у своего уха, оно щекочет кожу.

– Разве ты не слышала, что нельзя гулять одной в темноте?

Можно повстречать злого и страшного серого волка.

Его голос, мягкий, низкий, словно бархатный, парализует. Я даже не сомневаюсь, что уже встретила этого самого волка, способного проглотить меня всю целиком прямо сейчас. И в то же время страх подстегивает эмоции, злость на родителей, на Диму, на весь мир. И я делаю то, что в здравом уме не сделала бы никогда: протягиваю руки и обвиваю его шею. Он высокий, и мне приходится тянуться, одновременно заставляя его наклониться. А потом мои губы находят его.

Сердце бешено колотится то ли в груди, то ли в пятках, мне волнительно и безумно страшно, но неожиданно для самой себя я понимаю: этот порыв меня будоражит. Я чувствую азарт. Адреналин бьет по вискам, слышу лишь учащенный ритм и ощущаю аромат терпкого парфюма. Цепляюсь крепко, буквально впиваясь ногтями в шею неизвестного, голова кружится, а колени подкашиваются. И если несколько секунд назад мужчина просто замер, абсолютно не двигаясь, то сейчас я чувствую, как он осторожно отвечает на поцелуй. А потом и вовсе захватывает мои губы в свой плен, перенимая инициативу. И по телу проходит сумасшедшая дрожь. Я же готова прямо сейчас сознание потерять, а заодно и голову. Совершенно не вижу человека, на которого набросилась, просто чувствую, что он большой. Мужчина крепче сжимает меня в своих объятиях, обхватив за талию, а я вдруг понимаю, что творю. Мамочки! Он теперь ме-

ня не отпускает. Держит в своих лапищах, словно хищник, поймавший жертву. А что, если я сама прыгнула в руки какому-нибудь насильнику, о которых постоянно твердит папа?! Если ему верить, каждый второй, а то и первый – самый настоящий маньяк. Что этот говорил про серого волка?!

Резко отскакиваю, упираясь руками в грудь, толкаю, готовясь вопить на весь подъезд, но не могу вымолвить ни слова. Благо, мужчина, хоть не сразу, но отступает.

Больше не мешкаю и отчаянно бегу вниз по ступенькам. Перепрыгиваю через одну в надежде, что меня не догонят. Внизу ненадолго останавливаюсь и прислушиваюсь. Абсолютная тишина.

Он либо стоит там же, либо... бежал вместе со мной и тоже остановился? То есть вполне сейчас может быть рядом!

Тревожное чувство новой волной накрывает с головы до ног, и я бегу прочь из подъезда.

Только очутившись на оживленной улице, останавливаюсь и прижимаюсь спиной к холодной кирпичной стене рядом стоящего здания. Люди проходят мимо, но я вижу лишь размытые пятна. Трогаю губы: они ещё не остыли от поцелуя. Прижимаю ладони к щекам – горят. Господи, я только что поцеловала человека, которого даже не видела! Что он думает сейчас обо мне? Паника отходит, уступая место стыду. Стыду и осознанию – а мне ведь... понравилось.

Нет. Со мной точно что-то не так.

В кафе меня встречают протяжными «вау» и «нако-

нец-то». Немного пожурив, надолго ли я, на час или на десять минут, девчонки переключаются на другие темы. Они не со зла меня подкалывают, просто не понимают, что такое строгий отец. Я привыкла выглядеть в глазах родителей ангелом, умницей, отличницей, хорошей девочкой. Мне иногда кажется, узнай они, что я уже давно проверила свои границы на прочность – просто выгонят из дома. Откажутся.

В детстве, да и позже, я всегда старалась им угодить, но сейчас сыта этой опекой по горло. Мысленно, я, конечно, сотни раз хлопала дверью, но каждый раз, отстаивая свои права, проигрывала отцу раунд за раундом. Поэтому тактику поменяла. Меньше знает – лучше спит. Впрочем, я ничего запрещённого и не делаю. Но только не в его понимании. Могу выпить бокал вина, например. Как-то пропустила занятия в институте. А ещё... У меня был Дима. Отец бы точно меня убил, узнай о нём.

Нет, папа у меня хороший, я его очень люблю, конечно, он заботится о нас с мамой, сам много работает, он хочет оградить меня от злого мира.

Считает, что готовит к жизни. Вот только этой идеальной жизни, как я давно уже поняла, просто не существует.

Вон я уже бросаюсь на первых встречных. От этого становится тошно. В груди щемит.

– Сашка, ты чего загрустила? – щурится подозрительно Полина. – Может, вина? Давай найдем тебе парня, смотри, там у стойки красавчик на тебя пялится.

Она машет в сторону бара и, действительно, ей прилетает в ответ взмах рукой от одного из сидящих парней.

– Что-то нет желания, – бурчу в ответ, а в голове вмиг вспыхивает недавняя сцена. Странно, но те чувства, что я испытала там, в подъезде, меня волнуют. А вот те парни, что откровенно на нас пялятся – нет.

Они все же к нам подсаживаются. Девочки начинают наперебой щебетать, но тот, который представился Андреем, пытается завязать разговор именно со мной. Стараюсь быть вежливой. Но недолго. Выдерживаю ещё час и, сославшись на то, что завтра рано вставать, покидаю заведение совершенно в расстроенных чувствах. Может, папа был прав, и следовало остаться дома? Да ещё и путь предстоит снова через темный подъезд. Рассчитываю на то, что серые волки уже сыты, да и красные шапочки, наверняка, сделали вывод и завязали с подобными экспериментами. Надеюсь.

Глава 3

Рома

Я не жду от этого вечера чего-то выдающегося. В какой-то момент даже думаю отказаться. Одно дело встретиться в ресторане, другое – все эти домашние посиделки, с которых так просто не уйдешь.

Мот... Хотя какой он Мот, Матвей Григорьевич, не иначе, если смотреть на его внешний вид. Мы дружили с тех самых пор, когда наши матери вышли с нами на детскую площадку. Все детство, школа и первый курс областного института. Потом я не выдержал, слинял. Мот женился, стал отцом, наши дороги как-то сами собой разошлись. Хотя до восемнадцати лет я искренне считал, что лучше друга у меня быть не может. И если вспомнить всех, с кем водил общение эти годы, могу сказать, что мнение мое не изменилось.

Вот и сейчас мне легко, мы болтаем уже битый час, вспоминаем прошлое, рассказываем, кто чем живет и занимается. Его жена мне нравится, спокойная, уравновешенная, видно, что влюблена даже спустя столько лет. Есть повод позавидовать, но я не спешу. Брак это слишком серьезно и не каждому под силу. Мне так точно нет.

Ирина рассказывает про свою подругу, которую, по ее мнению, я должен помнить, потому что у нас были отноше-

ния. Неужели она всерьез считает, что я помню всех девиц, которых укладывал в постель в восемнадцать? Забавная. Я не помню, как зовут ту, которую вчера в клубе снял, а тут такие сроки.

Вот что я вспоминаю, так сегодняшней поцелуй вслепую: как сжимал в руках тонкую талию, впивался в пухлые губы, чувствуя, как сбивается дыхание девушки. Ураган, налетевший на меня в темноте подъезда и унёсшийся дальше. А я на мгновение уже решил, что сегодняшней вечер может закончиться отличным сексом. Позвонил бы Матвею, извинился, перенёс встречу.

Конечно, другу я не рассказываю об этом инциденте. Ещё в ресторане понял, что он напрочь забыл те времена, когда был охоч до доступного женского тела и пользовался им без зазрения совести. Теперь он отец семейства, степенный и деловой, взрастил себе жену и дочь. Пуританское семейство, блин, как я-то сюда умудрился попасть?

– Надолго ты к нам, Рома? – спрашивает Ирина, яжимаю плечами. Все слишком непонятно, хотя морально я готов к тому, что придется задержаться.

– Возможно, на пару месяцев, – отвечаю неохотно. Не люблю делиться планами, когда ещё ничего неизвестно.

– Не хочешь поучаствовать в одном деле? – Мот подается вперед, устремляя на меня взбудораженный взгляд, и я на мгновение вижу в нем того парня, что был мне лучшим другом.

– Что там? – спрашиваю лениво, скорее, из вежливости, чем из интереса.

– Большой тендер на строительство торгового центра. Место золотое, самая соль: напротив кинотеатра.

– Там вроде какие-то магазинчики были? – вспоминаю, напрягая память.

– Снесли их и теперь планируют постройку. Это же самый центр, Ром, центрее просто некуда. Представляешь, какие там бабки крутятся?

Отлично представляю. Конечно, по сравнению с московскими, не такие уж и большие, но тем не менее, кусок жирный, спора нет. Поднять на нем можно очень неплохо. Сам не замечаю, как заинтересовываюсь, и требую у Матвея детали. Он начинает расписывать все тонкости, и понимаю, почему друг позвал меня: у него самого не хватит ресурсов.

Забавно, что мы оба подались в строительство, только очевидно: Матвею ловить в этом заказе нечего. А вот мне... Крупный застройщик из Москвы с богатым портфолио...

Я уже погружаюсь в изучение возможностей. Строительство при хорошей работе займёт не так много времени, да и мне присутствовать постоянно необязательно, Матвей сможет заниматься делами. Главное, выиграть тендер и запустить процесс. В Москве остались проверенные люди, которые следят за всеми делами. А работа, пожалуй, поможет мне отвлечься от ненужных мыслей.

Сжимаю бокал, потому что другие мысли снова начинают

лезть в голову, но в этот момент хлопает входная дверь, отвлекая внимание.

Матвей в одно мгновение преобразается, глядя через мое плечо, взгляд его становится одновременно тёплым и строгим, как бы странно это ни звучало. Легкая улыбка появляется на губах, когда он произносит:

– Шурочка, иди сюда, познакомься с моим другом.

Я подсознательно морщусь от этого обращения. Неужели есть девушки, которым нравится, что их так называют?

Слышу мягкие шаги и оборачиваюсь в последнее мгновение, когда фигура девушки оказывается около меня. Взгляд цепляет нелепую кофту бирюзового цвета, надетую поверх платья, я поднимаю глаза и встречаюсь с девчонкой взглядом. Она смотрит, широко раскрыв глаза, словно испуганно.

– Здр... Здравствуйте, – отчего-то заикается она.

Отворачивается к ряду шкафчиков, наливает воду из графина в высокий стакан, руки у девушки дрожат, может, случилось что? С интересом ее рассматриваю, это же дочь моего когда-то лучшего друга, мне просто любопытно. Волосы она убирает на одну сторону, и я вижу тонкую шею, хрупкие плечи. Движения ее плавные, осторожные. Завораживающие. Только зачем она так нелепо одевается? Впрочем, о чем я, это же дочь Матвея Кострова, хорошо, что она вообще не в парандже.

Разглядываю ее недолго. Вдруг она оборачивается и смотрит прямо на меня. Кажется, и сама не ожидала, что в этот

момент поймает мой взгляд, явственно теряется и зачем-то говорит:

– Простите, пересохло во рту, – опускает глаза. Такая забавная, за что извиняется-то? Я растягиваю губы в улыбке:

– Ничего страшного. Вода – жизненно-необходимый ресурс для нашего организма.

– Это Роман, – представляет меня, Матвей. – Мой друг детства, я тебе рассказывал про него.

Она кивает.

– Саша.

– Присаживайся с нами, Шурочка, – добавляет Мот, на его лице сияет улыбка. Вот так из серьезного амбициозного мужчины Мот превращается в плюшевого за считанные минуты.

Мне становится смешно от собственного вывода. А ещё я замечаю, как девушка дёргается от того, как ее назвал отец. Забавно. Ей тоже не нравится прозвище, но она не возражает. Не поправляет.

– Ты, наверно, голодна? – спохватывается Ирина.

– Я из кафе, перекусила, а сейчас, пожалуй, в комнату пойду.

– Александра, – укоризненно произносит Мот.

Девушка вздыхает и покорно присаживается. Мне не хочется ее мучить, что это Матвей к ней прицепился: не хочет, пусть не сидит с нами. Но решаю, что влезать не буду, поэтому просто пытаюсь разрядить обстановку, чувствуя, как

девушка напряжена:

– Может, что покрепче?

– Я буду чай, – произносит она и больше взгляд на меня не поднимает.

Странная всё-таки эта Саша. Сидит она с нами совсем недолго: пока отец расхваливает ее заслуги в институте, пока делится достижениями. Снова слышу от него про то, что в голове у нее правильные мысли, и только про учебу.

Но когда Матвей добавляет, что клубы и свидания ее не интересуют, она лишь на мгновение поднимает взгляд и застаёт меня врасплох. Я не успеваю отвести свой, но что ж я, подросток, краснеть? Нахожусь сразу:

– А вот твоего отца в этом возрасте, ох как все это интересовало, – сдаю с потрохами друга.

– Ром, – бросает хмуро Костров.

– Я, пожалуй, пойду, – словно пользуясь случаем, находит повод сбежать Саша. – Надо к экзаменам подготовиться, ни о чем другом думать не могу, – последнюю фразу она особенно выделяет, бросает ее будто с сарказмом, но Матвей и Ирина, кажется, этого не замечают. Понимающе кивают, и девушка нас покидает. А не так она проста, как кажется на первый взгляд.

– Ром, – понижает тон Матвей, – ну ты чего?

– Ирку что ли боишься? Так ты каблук? – смеюсь в ответ, хлопая Мота по плечу. Он снова растягивает губы в улыбке, не злится. – Ир, это до тебя ещё было, ну! – спасаю Мота, но

кажется, в этой семье все в порядке с чувством юмора. Как я понял, только когда шутки не касаются дочери.

Помечаю себе, что юморить в этом направлении нужно осторожнее, но ничего себе на обещаю.

– Так что, я позову Инну? – переключает на себя внимание Ира.

– Какую?

– Ну я рассказывала, ту, с которой вы, ну... Это. Того.

– Переспали в молодости, что ли?! – поднимаю я брови.

Меня забавляет, что они избегают прямых слов. Ира поджигает губы, Мот сразу шепчет:

– Ну тише ты, там Саша.

– Матвей, ей восемнадцать.

– Она ещё ребенок, – не унимается он. – Не нужно ей такое слышать.

Я закатываю глаза и скептически поджигаю губы, выражая свое отношение к этому. Да девчонке повезло, что ее в институт благородных девиц не сдали или какой-нибудь монастырь.

– Ты просто не понимаешь, вот когда станешь отцом...

– О, нет, дружище, давай только без этих речей. Я всё понял. Вслух про клубы только если они кройки и шитья, алкоголь испаряется сам, – указываю на открытую бутылку, что стоит перед нами, – а по выходу на пенсию можно уже и сексом!

– Ром! – в один голос останавливают меня Ира и Мот.

И мы вместе смеемся.

Глава 4

Саша

Всю обратную дорогу я ловлю себя на мысли, что жду продолжения той встречи на лестнице, словно мой Серый волк до сих пор там стоит... В подъезде, конечно, никого.

Дома первым делом натыкаюсь на незнакомую пару обуви, значит, папин гость все еще тут. Прохожу в комнату и столбенею, потому что меня окутывает терпкий аромат туалетной воды, который я уже точно никогда не забуду. Я делаю несколько шагов и застываю рядом с гостем, он поворачивает голову и смотрит на меня лениво, даже недовольно, словно что-то ему не нравится. Но тут же включает дружелюбность, а я вот никак не могу прийти в себя.

Во-первых, потому что понимаю: пару часов назад я целовалась с папиным другом! Во-вторых, потому... Потому что он никак, ну никак не тянет на сорокалетнего мужика. Стоит только на отца взглянуть. Нет, я его, конечно, люблю, но с этим Романом они просто земля и небо. Кроме того, что мужчина красив, так еще и фигура такая, что закачаешься, это заметно даже несмотря на то, что он сидит.

А еще он целуется так, что голову сносит, язвительно добавляю про себя и сама же в который раз офигеваю. Неужели это правда?

Наконец, мне удастся уйти, но ничего не могу с собой поделаться, даже в комнате я вслушиваюсь в их разговор. Роман смеется, а я закусываю губу. Если бы он рассказал отцу о случившемся, тот бы с меня шкуру спустил. Правда, если бы вообще смог допустить мысль о том, что его дочь целуется на темной лестнице с незнакомцами.

И все-таки я не нахожу себе места. Часы показывают десять вечера, а они все еще сидят. Я старательно зубрю предметы, но наступающая сессия сейчас интересует меня меньше всего. То и дело возвращаюсь на темный лестничный пролет и вспоминаю поцелуи. Только теперь передо мной не абстрактный мужчина, а Роман.

В который раз прочитав конспект и ничего не поняв, решаю лечь спать. Беру пижаму и шмыгаю в ванную. Долго моюсь в надежде, что когда выйду, дома будет царить привычная тишина и никакого Романа с его ботинками не будет.

Однако как только я открываю дверь, чтобы так же незаметно шмыгнуть в свою комнату, как почти врезаюсь в мужскую грудь. Мне нужно несколько секунд, чтобы перевести дыхание и поднять глаза. И в то же мгновение покраснеть, потому что взгляд Романа направлен куда угодно, только не на мое лицо. На мне простая трикотажная пижама, состоящая из майки и коротких шорт, и сейчас я чувствую взгляд на каждом оголенном участке кожи. Еще через мгновение он внимательно смотрит мне в глаза, а я стою, словно у меня ноги в пол вросли.

– Можно? – спрашивает Роман, и я не сразу понимаю, что загораживаю ему проход в ванную.

Поняв, отскакиваю в сторону и несусь в свою комнату, не оборачиваясь. И только закрыв дверь и прислонившись к ней, выдыхаю, чувствуя, как бешено стучит сердце. Что еще за неадекватная реакция? Этот мужчина – друг моего отца, он старше меня на полжизни. Он просто никак не может вызывать таких чувств.

Но ложась в кровать, понимаю: самовнушение не помогло. Станным образом я возвращаюсь мыслями к нему, начиная думать о чем угодно другом. Даже о Диме, хотя зареклась сама себе, что не буду ворошить прошлое и пытаться докопаться до истины. Впрочем, у меня и без Романа это получалось так себе.

Единственные отношения, которые у меня были, и те закончились полным провалом. Я дала себе время не думать об этом, пережить, забыть и только потом анализировать. Но то и дело возвращалась мыслями туда.

Хотя сегодня у меня и так немало причин для бессонницы. Поворочавшись ещё минут десять, я все-таки засыпаю, слава богам, мне не снится ничего непристойного.

Я пью кофе, когда в кухне появляется папа, облаченный в костюм, а следом мама в халате. Она вроде как домохозяйка, но ведет свой интернет-магазин, вяжет всякие броши, игрушки, шарфы, – короче, чего душа пожелает. Я ей очень

горжусь, особенно потому, что вижу: она на своем месте и счастлива.

Мама ставит перед отцом тарелку с омлетом и чашку кофе.

– Я, возможно, задержусь, – говорит папа, – если Рома не успеет в обед подъехать, встретимся после работы.

– Ты всерьез думаешь, что он возьмется за этот заказ? – спрашивает мама, я молча пью кофе, прислушиваясь к разговору.

– Надеюсь. Рома добился многого, и для нашей фирмы это шанс вырваться из... – запнувшись, он бросает на меня взгляд и заканчивает предложение, – из сложной финансовой ситуации.

Про дела отца я знаю немного, основное, как любит говорить он сам: они меня не касаются. А мне было бы интересно поработать где-то. Но на мои просьбы взять меня к себе папа отвечал отказом, считая, что ни к чему мне знать подноготную его фирмы.

– Может, сведешь их ненароком с Инной? – просит мама, я хмурюсь, папа, кстати, тоже.

– Давай не будем лезть в его личную жизнь. К тому же Инна большая девочка, справится и без нашей помощи.

– Она была безумно в него влюблена.

Эти слова неприятно расплзаются в сознании. Тетя Инна и этот Роман? Пара? Тут же понимаю: они бы хорошо смотрелись вместе. Тетя Инна совсем не такая, как мама. Мама

милая, домашняя, уютная... Тетя Инна дерзкая, целеустремленная, самодостаточная.

Мы вроде как дружим, если можно дружить с такой разницей в возрасте. Но она, по крайней мере, не считает, что я должна сидеть безвылазно дома и корпеть над учебниками, даже пару раз прикрывала меня, когда я встречалась с Димой.

– Сегодня и посмотрим, что осталось от этой любви, – улыбается папа, отодвигая тарелку и принимаясь за кофе.

– Роман очень хорошо выглядит, мне кажется, у него и сейчас от женщин отбоя нет, так что Инне придется постараться.

Я сжимаю кружку так, что она, кажется вот-вот треснет. Сделав выдох, допиваю кофе и встаю.

– Мне пора в институт, – выдавливаю из себя улыбку.

– Давай, милая, удачи на зачете, – мама приглаживает мне волосы и целует в лоб, отец вторит ее словам.

Из дома я опять выбегаю, на этот раз потому, что опаздываю. Такого за мной не водится, но сегодня я засиделась на кухне с родителями. Маршрутка уезжает у меня из-под носа, я, отчаянно взмахивая руками ей вслед, оглядываюсь. Следующая приедет минут через десять, не раньше. Точно опоздаю, тем более, с учетом пробок. Может, взять такси?

И когда уже тянусь за телефоном, рядом со мной останавливается черный «Лексус», невозможно гладкий и блестящий на солнце. Сначала я даже не понимаю, что он по мою

душу, просто стою и смотрю на него, как дура. Но тут с моей стороны опускается стекло, и я вижу Романа.

– Садись, подвезу, – он лениво кивает и отворачивается, словно уверенный в том, что я беспрекословно сделаю то, что он велел.

Я мнусь, борясь с желанием уйти. Кинув взгляд на часы, понимаю: глупо отказываться и сажусь в машину. Меня с ног до головы окутывает уже знакомый запах туалетной воды. Вроде бы он едва ощутим, а я погружаюсь в него с головой, словно опять оказалась в объятиях...

Прерываю сама себя, стараясь абстрагироваться, и пропускаю слова мужчины. Смотрю с непониманием, он вздыхает, словно имеет дело с неразумным дитем, а потом, отстегнув свой ремень, наклоняется ко мне.

Я замираю и, кажется, перестаю дышать. В ушах снова гул, он нарастает, достигает пика, и тут же с удвоенным ритмом принимается биться сердце, слишком быстро, слишком громко. Я невольно перевожу взгляд на губы Романа, тело сковывает от воспоминаний: к этим губам я сама вчера прильнула.

Успеваает проскользнуть позорная мысль – да он же узнал меня! Он хочет меня поцеловать? Он... вдруг останавливается в ничтожных сантиметрах от моего лица.

Хмурится, сжимает губы и натягивает мой ремень. Тут же слышится щелчок.

– Я за безопасность, – бросает, ухмыльнувшись, и отвора-

чивается. – Твой отец убьет меня, если хоть один волос упадет с твоей головы. А бережного, сама знаешь, кто бережет.

Машина плавно трогается с места, а я так и застываю в изумлении.

Это всё? Роман сейчас сжимает руль и молчит. Музыка в машине тоже не играет, лишь работает кондиционер, но мне все равно душно. Вовсю терзает та же мысль. Узнал? Не узнал? Вчера я была уверена, что нет. Да и как? Он точно меня не видел, а те духи, которыми пользовалась, засунула от греха подальше. И вчера не было ни одного намека на то, что он понял. А вдруг Роман тоже в шоке?

Непохоже. Выглядел он вчера довольно расслабленным и вряд ли вообще переживает по поводу случившегося в подъезде... В отличие от меня.

– Тебе куда? – слышу сквозь хаос в голове.

Роман больше на меня не смотрит, а вот я, кажется, плясую совершенно неприлично. Быстро перевожу взгляд на дорогу.

– В институт, – произношу хрипло. – Это находится...

– Я знаю, где.

– Но я не сказала, в какой именно, – добавляю удивленно и все же не выдерживаю. Снова разглядываю сосредоточенный профиль мужчины.

– Зато Мот... То есть твой отец вчера все уши прожужжал.

Он все же переводит на меня взгляд, хочет ещё что-то сказать, но поднимает брови в немом вопросе. Выгляжу, види-

мо, так себе. Ведь я все это время, пока он на меня смотрит, вообще не дышу. И ловлю каждое его слово, как утопающий соломинку.

– Саша, ты меня боишься? – догадывается он.

– Нет, – стараюсь скрыть настоящую причину своего состояния. – То есть я не сажусь к незнакомым мужчинам в машину. И вообще я с незнакомыми мужчинами ничего... Я бы ни за что не стала... Я бы никогда...

Господи, ну что я несу? А отец ещё вчера рассказывал, что его дочь умна и очень сообразительна. Вообще, я тоже так считала. Саша, соберись немедленно!

– Я понял, – кивает Роман, освобождая меня от словесного ступора. – Садиться ко мне ты бы не стала, но ведь мы уже знакомы. Я друг твоего отца, так что все в порядке, – улыбается он.

Слова его звучат так, как будто он беседует с маленьким ребёнком или, чего хуже, со слабоумной, которая может в любой момент выкинуть фортель. Напряжение, тем не менее, немного спадает. По крайней мере, один из нас перестает бесконечно хмуриться. – Я просто тебя подвезу до института, тем более нам по пути. Ничего же сверхъестественного не произошло. Так ведь?

Да как сказать. Я бы поспорила насчёт сверхъестественного. Особенно вчера в подъезде.

Киваю и робко улыбаюсь в ответ.

– Произошло, – отвечаю, внимательно наблюдая за реак-

цией Романа, он снова поднимает брови. А я тут же добавляю: – Я, кажется, уже опаздываю в свой любимый институт, без которого жить не могу, хочу с утра до вечера проводить там дни, – произношу с иронией.

Как же бесит меня это амплуа хорошей девочки.

А ещё я хочу снова нарушить свои границы, прямо сейчас хочу его поцеловать. Не могу себе объяснить это влечение. До коликов, до мурашек, мне необходимо ощутить на себе эти сильные руки. Просто проверить. Снова испытать то, что вчера буквально вырвало меня с корнями из привычного уклада, пусть и на миг.

– Ну это мы сейчас исправим, – подмигивает Роман.

Боже, что?! Я это вслух сказала?!

Округляю глаза, а Роман выжимает педаль газа, мы будто срываемся с места, хотя авто и так стремительно неслось по оживленному проспекту. Довольно быстро разгоняемся и совершенно неожиданно на высокой скорости вписываемся в один из переулков, сворачивая с дороги, которая ведёт напрямиком в институт.

– Только отцу не говори, – добивает меня Роман, кидая очередной насмешливый взгляд.

Глава 5

Рома

Всю дорогу до института Александра что есть сил вжимается в кресло. Это, конечно, ее дело, как ей удобно, может, такое положение и для осанки хорошо, но сидения кожаные, и чувствую, после такого напора обивка может просто не выдержать. Понимаю, что как минимум Саша оставила в моей жизни, а заодно и машине, след. А точнее следы. От ногтей, и медленно выдыхаю, стараясь быть мудрым.

К черту, девчонка и так бог знает отчего меня боится, а если я ее попрошу не царапать мои сидения, может вообще в обморок свалиться, кто знает.

Если честно, Саша до безумия милая, пухлые губы, немного вздернутый нос, аккуратные черты лица, длинные ресницы и светлые глаза. Идеальный набор скромной умницы и красавицы, но иногда во взгляде проскакивают такие чертята, что я невольно вспоминаю простую истину про тихий омут.

Не знаю, почему тянет ее разглядывать, она ещё так забавно замирает, когда смотрю на нее, что я на время забываю, кто передо мной. Благо, вовремя одергиваю себя, не дело так реагировать на дочь друга. Не то, чтобы я боюсь быть намотанным на двустволку, но... кто знает, вдруг Мот уже и

базукой обзавелся.

Растягиваю губы в улыбке, меня веселят свои же мысли, конечно, я не всерьез. Да и женщин вокруг полно, мне просто нужно снять напряжение, а то вон уже за восемнадцатилетними наблюдаю.

Снова обращаю внимание на Сашу. Там ничего не изменилось. Страх в глазах и скованная фигура. Очередной поворот, и колени девушки немного заносит в мою сторону.

Вот дьявол, почему она в юбке? Женские коленки для меня – это особое искусство. И вчера она так внезапно выскочила из ванной в коротких шортах, что я невольно взгляд опустил.

Просто как ценитель красивых коленок. Не больше.

Здание института вырисовывается внезапно, значит, я ещё не забыл короткие пути, есть ещё порох в пороховницах. Обращаю внимание на время, мы ехали несколько минут, так что Саша может присоединиться к светлым умам, и о чем она говорила там ещё мечтает с утра до вечера.

– Приехали, – объявляю девушке, и она тянется к замку ремня. – Только давай договоримся о легенде, я ехал двадцать километров в час и параллельно сдувал с тебя пылинки, идёт?

Я пытаюсь обстановку разрядить, но кажется, мой искрометный юмор в этих краях не особо ценится. Сашка кивает и уже нервно пытается выдернуть ремень.

Да что с ней?

Накрываю ее руку своей и показываю, что можно это сделать без применения силы. Но как только касаюсь ее ладони, она ремень отстегивает, а руку тут же одергивает.

Освободившись от оков безопасного движения, Сашка стремительно выбегает из салона, бросив стандартное «до свидания».

А я просто смотрю ей вслед. Она не оборачивается, видно, и правда, опоздать для нее – происшествие.

Ну в принципе, Саша вполне может, действительно, так сильно любить институт.

Настроение внезапно становится лучше, эта маленькая девчонка своими испуганными глазами меня почти рассмешила. Я против воли улыбаюсь, вспоминая ее смущенный взгляд и сбивчивый разговор.

Даже оказавшись у матери, остаюсь в хорошем настроении, хотя тут есть от чего потерять желание не только улыбаться, но жить в принципе. Отчим на работе, чему я рад, в его компании чувствую себя неуютно даже спустя годы.

Мама бледная, в старом теплом халате, готовит на кухне. Я тяну носом, внезапно переносясь в школьные годы. Всегда любил ее стряпню, так по-домашнему вкусно и... как-то уютно, что ли? Смотрю на мамину спину и думаю о том, что стоило больше с ней общаться, а не обходиться звонками по праздникам и пересылкой денег раз в месяц. Но находясь на расстоянии, не чувствуешь этой давящей ответственности,

все кажется проще.

Повернувшись, мама ставит передо мной тарелку борща и банку сметаны, ох, слюна сейчас зальет стол.

– Очень вкусно, – говорю ей, съедая все за считанные минуты, мама смеется, сидя напротив меня, подперев голову ладонью.

– Ты изменился, – говорит тихо, я киваю, предпочитая не развивать эту тему. Разговоры по душам – это не мое.

– Mam, что врач сказал? – спрашиваю ее, она сразу как будто темнеет лицом, а мгновение назад светилась.

– Нужна операция, – говорит бесцветным голосом, словно речь не о ней идет. – Но и она не даст гарантий, что все будет хорошо. Повезет, не повезет, как говорится.

Если бы я был долбаным оптимистом, я бы уже мял ее руку и, кивая головой, как китайский болванчик, уверял, что ей непременно повезет.

Но я вполне реалист, чтобы понимать: выше головы не прыгнешь. И все, что мы можем сделать, это по-максимуму постараться влезть в те пятьдесят процентов, где везёт.

– Думать об этом сейчас рано, – все же говорю ей, – после операции подумаешь. Я хочу, чтобы ты легла в частную клинику, – на ее протестующий взгляд добавляю, – это не обсуждается. Я все оплачу.

Она кивает, но в ее лице я не вижу радости. Какое-то тупое равнодушие. Блядь, если тебе уже ничего не надо, может, просто пойдешь и спрыгнешь с балкона?

Но вслух я этого, конечно, не произношу. Она моя мать, я должен ее поддержать. Даже вот остаюсь здесь, чтобы быть рядом. Разве этого мало?

Мы сидим еще полчаса, которые вдруг растягиваются в бесконечность, разговор не клеится. Наконец, я встаю с чувством выполненного долга, мать провожает меня до дверей, смотрит все такими же грустными глазами, и я начинаю чувствовать себя полным дерьмом.

Хорошего настроения как не бывало, однако за свою жизнь я научился блокировать нежелательные эмоции, поэтому просто убираю лишние мысли в сторону. Что меня сейчас интересует, так это тендер, о котором вчера рассказывал Матвей.

Пообедав в ресторане и вернувшись в гостиницу, начинаю искать в интернете данные об объекте, все, что нахожу, мне нравится. Я еще успеваю подать заявку на тендер, если после выигрыша сработать оперативно, то разделаюсь с основными вопросами в пару-тройку месяцев. Как раз с мамой станет яснее, и можно валить отсюда куда подальше. После этого объекта с поднятым баблом реально надо на море. А в том, что выиграю, я не сомневался, нет там никого, кто смог бы противостоять по уровню «СтройПаблицед». Матвея возьму в долю, пусть поднимает свою захудалую фирмишку, не жалко. Надо сегодня с ним переговорить. Смотрю на часы и понимаю, что обед давно позади, звоню другу и договариваюсь на шесть вечера в его офисе. Там, пожалуй, и впрямь

будет удобней.

Фирма друга располагается в маленьком бизнес-центре рядом с железной дорогой. Почти уверен, если открыть окна, то звук проезжающих поездов рано или поздно сведет с ума. Вся его фирма занимает два помещения в длинном коридоре: его кабинет, маленькая каморка, где кроме стола, стула и Матвея больше никто не поместится, и комната квадратов в тридцать, где ютится бухгалтер, инженер и менеджер по продажам. Тут же комнатуха со столом для переговоров, я почти уверен, что пыль с него стерли перед моим приходом.

Кроме Матвея меня встречает высокая стройная блондинка. Мой опытный глаз сразу вылавливает, что дамочке под сорок, хотя выглядит она отлично: точеная фигура, удачно подчеркнутая одеждой, грамотный макияж и уход за собой. Я столько баб на своем веку перевидал, что мог бы стать косметологом-визажистом. Правда, говорят, у них строгий отбор по сексуальной ориентации.

– Привет, – Мот пожимает мне руку, – рад, что ты пришел.

Я киваю и, улыбнувшись, протягиваю руку даме.

– Роман, – представляюсь и вижу, как она меняется в лице, хлопая большими глазами с наращенными ресницами.

Правда, в самообладании ей не откажешь, потому что через мгновение уже улыбается в ответ, нацепив маску безразличия.

– Инна, – жмет мою руку и добавляет, – вообще-то мы знакомы.

Я окидываю ее взглядом и вспоминаю вчерашний разговор. Значит, это та самая подруга, с которой я когда-то спал? Ну что могу сказать, во вкусе на баб мне точно не откажешь.

Я легонько сжимаю ее ладонь, впиваясь откровенным взглядом в глаза, так что она на мгновение теряет свою маску и смотрит растерянно.

– Прости, – говорю ей, – я сегодня так вымотался, что сам себя не помню.

Так себе оправдание, но и это делаю только, чтобы не вносить разногласия в деловые отношения. Не рассчитывала же она, на самом деле, что я все эти годы дробил на ее юношескую фотографию?

Инна улыбается, куда фальшивее, чем я, кстати, но обиду проглатывает.

– Поговорим о делах, – указывает мне на стул, присаживаясь рядом.

Я кидаю взгляд на расстегнутые пуговицы блузки. Хорошая троечка. Есть, о чем подумать.

За бумагами и разговорами мы сидим до десяти вечера, и я окончательно решаюсь связаться в это дело. Инна, как оказалось, ведет все документы у Мота, делает это качественно, я отдал должное ее уму и скрупулезности.

Когда мы заканчиваем, и Матвей выходит, смотрю на нее, не отрывая взгляда. Уверен на сто процентов, она все понимает. Даже вижу ее борьбу между «отказать этому козлу» или «трахнуть так, чтобы искры из глаз летели». Надеюсь,

она достаточно испорченная, то есть осталась такой, потому что двадцать лет назад я только с такими и встречался.

Когда наши гляделки длятся достаточно, чтобы я все понял, задаю вопрос:

– К тебе или ко мне?

– Ты вроде в гостинице остановился? – спрашивает она.

Ну хоть не стала строить из себя сорокалетнюю невинность. Надеюсь, у нее нет дома трех кошек.

– Тогда к тебе, – киваю, закрывая вопрос.

Так даже лучше, в случае чего не надо думать, как выставить ее за дверь.

Матвею мы, конечно, ничего не говорим, только когда он первым уезжает, Инна садится в мою машину, бросая свою на парковке у бизнес-центра.

– Адрес? – спрашиваю ее, она произносит, я киваю.

Без пробок добираемся за пятнадцать минут, обычная панельная пятиэтажка. По дороге, правда, Инна разглядывает меня с интересом и говорит:

– Ты совсем не изменился.

Вот и пойми этих баб.

– Моя мама могла бы с тобой поспорить, – хмыкаю, вспоминая сегодняшнее утро, а следом в голове всплывает образ испуганных глаз и острых коленок.

Я невольно кошусь на колени Инны. Кругленькие такие, хотя ноги стройные. Морщусь, чувствуя себя почему-то идиотом. Всерьез собрался сравнивать восемнадцатилетнюю за-

комплексованную дуреху и раскрепощенную женщину?

Но коленки упорно возвращаются в мои мысли. Я за-чем-то представляю, как веду пальцами от колена вверх, дохожу до края юбки (слишком короткой для такой скромницы!) и смотрю на нее. Представляю эти испуганные светлые глаза, пухлые губы, и... возбуждаюсь.

Возбуждаюсь, блядь, ведя машину, в которой сидит сексуальная и на все готовая женщина, и вовсе не от мыслей о ней!

Мотаю головой, отгоняя навязчивое видение. Не хватало еще на малолеток западать. Я не настолько стар, чтобы самоутверждаться подобным образом.

К счастью, в квартире у Инны мы обходимся без прелюдий и разговоров, сразу приступая к делу. Следует признать, она сексуальна, а главное, умеет порадовать мужчину. Я быстро отключаюсь от мыслей и сосредотачиваюсь на ней, точнее, на удовольствии, которое мы доставляем друг другу.

Не то, что я собирался оставаться у нее ночевать, но в итоге понимаю, что мне лень куда-то сейчас ехать, потому засыпаю, решив, что Инна разумная женщина и завтра не начнет разговор о том, что мы должны провести вместе остаток наших дней.

Просыпаюсь от звонка. Не сразу соображаю, где нахожусь, сажусь на кровати, мотая головой и вспоминая вчерашний вечер и ночь. Инны рядом нет, я смотрю на часы: половина одиннадцатого. Да уж, в Москве я себе не позволял так тран-

жирить время на сон. Слишком много дел.

Снова раздается звонок, и я понимаю, что это в дверь. Поднявшись, натягиваю трусы и прохожу в холл, где хозяйка квартиры, в конце концов? Очередной звонок начинает меня раздражать, я подхожу и распахиваю дверь. И тут же встречаюсь с бездонными светлыми глазами.

Глава 6

Саша

Я честно пытаюсь вникнуть в то, что говорит преподаватель на семинаре перед грядущим зачетом. Но звук исчезает, лишь понимаю, что тот шевелит губами, а значит, что-то произносит, но даже картинка перед глазами постепенно сменяется на недавнюю сцену в машине.

Я, конечно, идиотка.

Сначала чуть не умираю от страха, что Роман меня узнал, да ещё и заявил, что не против повтора, а теперь изнываю от негодования, что не так его поняла. Он просто решил довезти меня до института, объехав пробки.

А я уже представляла, как он сминает мои губы, проникает своим языком, ласкает мой, прижимает меня к своему телу, а я зарываюсь руками в его волосы и вдыхаю аромат, который просто с ума сводит. Боже! Я серьезно была на это готова?

С непонимающим видом осматриваюсь по сторонам, потом перевожу взгляд на свою тетрадь, сегодняшняя страница девственно чиста. Кошусь в чужие и понимаю, что придётся брать у кого-нибудь конспект.

Ничего удивительного, что девчонки даже спрашивают, не заболела ли я. И хотя отшучиваюсь, сама уже сомневаюсь

в своем здравии.

Да и поделиться переживаниями с ними не могу. Кажется, это настолько личное, а они и так надо мной смеются, если дело касается моего отца. Узнают, что целовалась с его другом – год буду выслушивать их приколы на тему «Саша и старпер», а ещё вопросы, уточнила ли я, сколько у него сантиметров. Краснею от таких мыслей, это вообще ни в какие ворота. И как у девчонок выходит просто болтать на подобные темы? Нет, этот вариант не для меня.

Отметаю мысль пустить в свои откровения посторонних. Впрочем, есть один человек, которому я могу рассказать. Может, не прямо, всё-таки не хочу, чтобы кто-то знал, но на совет «старшей подруги» могу рассчитывать. Да и тетя Инна меня не раз выручала. Она взрослее и мудрее.

Принимаю решение встретиться с ней, но вечером на мои сообщения она отвечает коротко: «Занята». Пишет, что потом перезвонит. Но не перезванивает, может, и правда, так сильно занята?

Отец возвращается поздно, подслушиваю их разговор с матерью и выясняю, что они обсуждали проект с Романом. Они были в офисе втроём. Папа, тетя Инна и... Роман. Я вспоминаю, как мама рекомендовала свести тетю и Борцова.

В груди появляется тяжесть, и с этим чувством я иду спать. Нет, ей точно про Романа не смогу рассказать, как есть. Придётся немного схитрить, потому что переварить в одиночку все-таки не получается.

На зачёт захожу одной из первых, и вовсе не из-за тяги к учебе, мне хочется поскорее добраться до тети Инны. К счастью, вопрос достается несложный, и я быстро отстреливаюсь, хотя преподаватель замечает, что я несколько рассеяна. Но моя репутация умницы помогает, потому отделяюсь только этим замечанием.

Забираю зачетку и тут же срываюсь по знакомому адресу. Кажется, отец говорил, что сегодня дал тете Инне выходной.

Звоню раз, другой, третий. Неужели ее нет? Может, она взяла выходной, чтобы куда-то съездить? И почему я не позвонила сначала на мобильный?

Когда уже думаю уйти, гремит замок, и я готовлюсь извиняться за столь неожиданное вторжение, но слова застревают в горле. На пороге стоит Роман. Нет, не просто стоит, в одних трусах. Недовольный взгляд при виде меня меняется, кажется, он удивлен не меньше, чем я. А я не просто удивлена, стою, как громом пораженная.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: он и тетя Инна этой ночью были вместе. Закусываю губу от странной обиды, зародившейся внутри, в груди тяжелеет.

Мы стоим, как два идиота, смотрим друг на друга и молчим. Я против воли скольжу взглядом по его мускулистому телу, широким плечам, плоскому животу, ниже стараюсь не смотреть, возвращаясь к лицу. Как же так? Ведь этими самыми губами он пару дней назад целовал меня, а теперь тетю

Инну? Ему, выходит, вообще все равно, с кем спать?

Наконец, наше молчание прерывается удивленным:

– Саша? – тетя Инна в одном полотенце выходит из ванной.

Мне становится нечем дышать, когда я смотрю на них двоих. Хочу развернуться и сломя голову броситься вниз, но тетя говорит:

– Да ты заходи, – и отодвигает растерявшегося Романа в сторону.

Я мнусь, но все же делаю шаг в квартиру. Начинаю разуваться, бросая взгляд в сторону, вижу скрывающуюся в комнате мужскую фигуру. Он так ничего и не сказал, даже не поздоровался, впрочем, я тоже. Зачем вообще зашла? Очевидно, я тут лишняя.

– У тебя что-то случилось, Сань? – спрашивает тетя Инна, вглядываясь в мое лицо с тревогой.

Я снова кидаю взгляд в сторону удалившегося мужчины. Она толкует это по-своему.

– Извини, что застала нас в таком виде, – говорит, взяв меня за руки, – не переживай, после завтрака Рома уедет, и мы поговорим. Иди в кухню.

Она скрывается в той же комнате, а я бреду в небольшую уютную кухню. Они там сейчас вдвоём, голые... эта мысль не даёт мне покоя, я начинаю грызть ногти, хотя понимаю, вряд ли они решатся на что-то, пока я тут. Да и вообще, они уже на все решились ночью.

Слышу шаги и напрягаюсь, выпрямляясь, натягиваясь струной. Безошибочно узнаю, что это он, шаг тяжелый, неспешный. Появившись на кухне в брюках и расстегнутой на три пуговицы сверху рубашке, Роман садится за стол, задевая мои колени своими. Стол у тети Инны небольшой, так что это неудивительно, но я все равно шарахаюсь в сторону, получая за это ещё один взгляд от Романа.

Мы сидим в тишине, он отстукивает пальцами по столешнице и о чем-то думает, я наблюдаю за его руками. Они такие большие, сильные, с длинными тонкими пальцами и торчащими жилками вен. Как он сжимал меня этими руками в подъезде, когда целовал...

Отстукивание резко прекращается, и я поднимаю глаза. Роман смотрит прямо на меня, и по телу начинают бежать мурашки. Словно пробирается под кожу своим взглядом.

– Слушай, Саш, твоему отцу не за чем все это знать, как считаешь?

Так и хочется спросить: что это? Но я только молча киваю. Он кивает в ответ, и появляется тетя Инна. Она сразу начинает щебетать и заставляя стол кофе, чаем, бутербродами, так что не остаётся ничего иного, как начать есть.

Весь этот неловкий завтрак я только и думаю о том, что скажу тете Инне? Я надеялась получить совет, и наверное, это ещё возможно, но как сказать, что я возбуждаюсь от мужчины, с которым она спит? Хочется уронить голову на стол и немного побиться об него лбом. Может, стоит отговориться

какими-то то глупостями и слинять?

Но когда Роман покидает нас сразу после завтрака, и мы усаживаемся на диване, я все-таки решаюсь сказать, хотя и обходя углы стороной:

– Кажется, мне нравится один... человек, – произношу, сбившись в конце. Тетя Инна облегченно вздыхает.

– Я уже и не знала, что подумать. Так это же здорово, Сань? Пора двигаться дальше.

Про Диму она знает, не в подробностях, конечно, но о печальном опыте отношений в курсе. Помогала мне с ним встречаться, прикрывала перед родителями. Утешала, когда мы расстались.

Мне немного стыдно перед мамой за то, что я столько всего от неё скрываю, да я и сама хочу делиться сокровенным именно с ней, но сейчас это не представляется возможным. Пока родители считают меня маленькой девочкой, за которой нужен глаз да глаз, а я не могу доказать им, что уже выросла.

Благо, тетя Инна как-то умудрилась это сама понять, стала занимать мою сторону, убеждать предков быть лояльней, прикрывала мои вылазки. Неудивительно, что мы сблизились. И потому вдвойне фигово оттого, что сейчас мы делим одного мужчину. Ну как делим? Она с ним спит, а я могу только мечтать об этом.

Я даже губу закусил, неужели всерьёз об этом думаю? Что я и Роман, лучший папин друг юности... это же немис-

лимо. Он взрослый мужчина, он вообще не должен казаться мне привлекательным!

Да к тому же, что между нами может быть? У Романа явно море женщин, а у меня только Дима и три неудачные попытки заняться сексом. То есть акт совершился, конечно, только мне все время было дико больно, и я лежала, вцепившись в матрас, зажмурившись, молилась, чтобы это поскорее закончилось. Хотя Дима пробовал сначала меня подготовить, но все это было безрезультатно.

В третий раз он даже не кончил, вышел из меня, сказав, что так не может, что я как бревно, лежу и только морщусь. И ушёл, а я всю ночь рыдала в подушку. Мы решили расстаться. Точнее, это он предложил на следующий день в институте, пряча глаза. Я не возражала, только кивала, тоже глядя в сторону. Дима учится на курс старше на факультете «Информационных технологий».

– Саня, – зовёт тетя Инна, вырывая меня из мыслей, я перевожу на неё взгляд.

Ободряюще улыбаясь, она говорит:

– Расскажи мне об этом парне.

Глава 7

Рома

Ухожу от Инны, когда неловкое молчание достигает пика. Точнее, сама Шамова болтает без умолку, пытается разрядить обстановку, а вот я даже кофе с трудом допиваю... Поэтому рад, что это безумие прекратилось.

Инна хороша, но куда больше меня накрыло, когда случайно коснулся коленей Саши под столом, память тут же рисует их в воображении. Блядь, взрослый мужик, а загоняюсь, как пацан.

Стараюсь выбросить из головы утреннюю сцену и направляю свои мысли в рабочее русло.

У меня много дел на сегодня, и в них я планирую забыть-ся до самого вечера. Во-первых, нужно найти квартиру, не могу же я жить в гостинице, во-вторых, связаться с офисом в Москве, сообщить о планах, пусть собирают пакет документов для тендера.

Ещё неплохо бы снять здесь офис и завести какую-нибудь помощницу, чтобы гоняла по городу, выполняя поручения. Устроить мать в областную частную клинику, как раз нашёл хорошую. На нее она должна согласиться, хотя я бы ее увёз в Москву. Но мать всегда была упёртой, наотрез отказывается уезжать из своей любимой жопы мира. Благо, у найденной

мной клиники очень хорошие отзывы, так что я в принципе доволен. Сейчас мне даже удобно, что она будет недалеко.

Я погружаюсь в дела сразу после завтрака в местной забегаловке, попавшейся по пути. Выглядит она так себе, но яичницу пожарить дело нехитрое. Официантка, девчонка лет двадцати, откровенно со мной заигрывает. Я улыбаюсь ей весьма благосклонно, одариваю многообещающим взглядом и не удивляюсь, когда в счете нахожу записку с номером телефона.

Убираю ее в карман джинсов и зачем-то думаю, что вот Саша, например, никогда не стала бы вести себя так развязно. И сам морщусь от этой мысли. С каких пор дочь Кострова стала у меня мерилom нравственности среди юных девиц?

Старательно гоню от себя глупые мысли и погружаюсь в дела. Когда есть деньги, многое решается быстро. Уже к вечеру перевожу свою спортивную сумку с вещами в квартиру в центре города. Дом новый, недалеко от будущего строительного объекта.

С офисом оказывается сложнее, ездить куда-то ради бумажек, когда и квартира, и объект в центре? Но найти приличное помещение не так уж просто, все давно занято. И все-таки мне везет. Костров, узнав о моем желании, суетится и находит небольшой офис в маленьком бизнес-центре за кинотеатром. Идеально, и плевать, что там только приемная и кабинет, мне больше и не надо. Деловую встречу можно в ресторане назначить.

Инна обещает помочь с бухгалтерией, налоговой и прочим, в этом она, как рыба в воде. Я звоню ей днем, чтобы уточнить пару моментов. Она охотно объясняет, и я думаю, что Шамова умница, потому что никаких намеков о прошлой ночи от нее не слышу. А вот я клянусь себя, на чем свет стоит, потому что спрашиваю, надеясь, что мой голос звучит ненавязчиво:

– А зачем приходила дочь Кострова?

Инна смеется.

– Представляешь, девчонка, кажется, влюбилась. Поцеловалась с каким-то парнем и теперь днем и ночью о нем мечтает.

Насмешливый голос Инны почему-то бесит.

И что мне не нравится ещё больше – я невольно реагирую на то, что Саша в кого-то там влюбилась. В ее возрасте втрескаться в парня – вроде как нормально. А все равно бесит.

Впрочем, это не мое дело.

– Что-то со связью, Ром, ты слышишь меня? – доносится из трубки, и я понимаю, что слишком сильно сжимаю телефон, а ещё завис на какое-то время, переключив мысленно Инну в фоновый режим, а также ее щебет про Кострова и про то, как он загоняется по целомудрию дочери.

Скромница. Целовалась, значит. Просто чудесно.

– Я считал, девчонка шарахается от мужского пола, как от прокаженных, – замечаю, вспоминая испуганные глаза Саши сегодня и покорность перед родителями на днях.

– Не бери в голову, Ром, я пыталась до Матвея донести, что он дедом не станет, пока говорит про ружье, но это бесполезно. Он считает, что Саша ребенок. А девочка, между тем, уже созрела, – звонкий смех Инны словно открывает мне какую-то тайну. Да уж, понятно, на что намекает. Кажется, Инна неплохо ладит с дочерью моего друга, раз знает такие подробности о ней. – А ты почему так интересуешься? – вдруг прерывает свое веселье Инна.

Замираю от этого вопроса, а ведь и правда, какого черта? Объяснять ничего не собираюсь, однако возникает чувство, будто я разоблачен. Инна не дура, могла заметить, как я смотрю на эту девчонку.

Я действительно с трудом отрывал взгляд, но проблемы с Костровым мне точно не нужны, да и глупости все это. Просто она похожа на испуганного воробушка, и именно эту растерянность забавно наблюдать.

– Уж не докладывать Моту собираешься, а? Ром, не сдавай Сашу, – слышу в трубке и чувствую небольшое облегчение.

– Не буду. Старика удар хватит, а у меня с ним бизнес, – делаю вид, что меня тоже зашибись как развеселили новости о Саше. Хотя по существу, они меня вообще трогать не должны. Никак.

– Вот и хорошо. Так что... заедешь на ужин? – робко произносит Инна. – Рабочие моменты обсудить, я подготовлю как раз бумаги, чтобы ты взглянул, – тут же добавляет она.

В голосе неуверенность. Это неожиданно, ведь я уже определил Инну в категорию женщин, которые не досаждают своим обществом. В принципе, нам нужно обсудить детали, но я решаю повременить с повторным пробуждением в квартире этой женщины. Вообще не приветствую подобные повторы. Не так скоро, уж точно.

Объясняю, что вечером занят и спешно прощаюсь, добавляя, что все равно жду от нее бумаги по электронной почте. Смотрю на часы: ещё есть время и дела обдумать, и склеить какую-нибудь красотку за ужином. На крайний случай, остался телефон официантки.

Несколько дней проходят в суматохе, обустройство в офисе, обсуждение деталей тендера, наших шансов на победу и дальнейших действий. Меня радует выгода от этого проекта, но все же хорошие прогнозы в этом направлении не заменяют плохие о здоровье матери.

Я заезжаю через день и каждый раз понимаю, каким был идиотом, что избегал общения с ней. Продолжаю игнорировать отчима, но все же благодарен ему, что он засунул свою гордость в одно место и позвонил мне с новостями о матери. Иначе бы я не примчался в эту дыру, как считал, ненадолго. Но теперь мысль уехать скорее в отпуск вместо этого всего кажется абсурдом.

Обследования мать проходит, хоть и причитает постоянно, что это дорого. Что можно все сделать по квоте, ждатель правда долго, но уверяет, это ерунда.

Ерунда? Как она не понимает, что счёт, возможно, идёт на недели! Ебнет в один момент, и все. Но все же она мне не перечит, а врач уверяет, что шансы на выздоровление есть, хоть и риски тоже имеются.

Инну я беспокою за всё это время только по работе, делая вид, что в упор не замечаю её откровенных намеков. Меня эти бабские привязанности абсолютно не волнуют, и каждый раз просыпаюсь с новой девицей. Благо, за эти годы ничего не изменилось, и доступных девчонок по-прежнему полно. Я всё же за разнообразие.

О Саше практически не думаю, есть чем заняться, да и выбросить из головы мысли о дочке друга – самое верное решение, но внезапно встретив ее, испытываю противоречивые чувства.

Это происходит в офисе отца, она уходит, когда я приезжаю. Мы сталкиваемся на выходе из лифта, точнее выходит она, я как раз спешу к Матвею. Девушка выскакивает на меня неожиданно. Влипает буквально, я по инерции хватаю ее за плечи. Не нахожу ничего лучше, чем спросить, как дела в учебе. Она растерянно хлопает ресницами в ответ на мой идиотский вопрос, да что уж, ее успеваемость меня волнует вообще в последнюю очередь. Но не о парне же спрашивать. Я даже не запоминаю, что она отвечает, смотрю в бездонные глаза и думаю о том, что ее губы катастрофически близко. Так нельзя. Нехотя разжимаю руки, хотя хочется, наоборот, прижать Сашу к себе, наваждение какое-то, она просто ки-

вает и спешит на выход, оставляя вместо себя аромат цитруса с нотками жасмина.

Наконец, через две недели документы одобряют, я официально становлюсь участником тендера. Предлагаю Кострову это отметить, а он, гад такой, как раз собирается смыться на дачу вместе с семьей. Пить в одиночестве не с руки, а Инна не представляется подходящей компанией, потому что заканчивать такой вечер придется в ее постели. Но за эти две недели она как-то слишком много трется возле меня, и это напрягает. Ничего не значащий секс в моем понимании выглядит как-то иначе. Поэтому я намеренно ее сторонюсь.

В общем, когда я уже решаю, что придется одиноко сидеть дома или ехать в ночной клуб клеить девицу на ночь, Костров вдруг предлагает отправиться на дачу с ним.

Я честно хочу отказаться, но тут же вспоминаю Горелово и старый деревянный дом бабки Мота, в котором мы провели не одно лето. Как носились на великах к озеру, собирали грибы в лесу за деревней. Сраное ностальгическое чувство заставляет меня согласиться.

В Горелово я приезжаю только к полудню, в то время, как святое семейство успело смыться с самого утра. К моему приезду стол уже готов.

Я с удовольствием осматриваюсь, кроме самого дома, кажется, ничего не изменилось, та же деревня, природа, воздух, чувство свободы и безнаказанности. Дом Мот подлатал и изнутри, и снаружи, строитель, что тут скажешь.

Мы устраиваемся на улице за летним столом, я сажусь на пластиковый стул, с удовольствием вытягивая ноги, закрываю глаза, пока Ирина бежит, заканчивая сервировку стола.

В какой-то момент чувствую на себе взгляд и, открыв глаза, поворачиваю голову в сторону дома. На выходе стоит Саша и смотрит в упор. Кажется, она не ожидала меня здесь увидеть, судя по ее настороженному выражению лица. Впрочем, может, просто боится, что я сдам ее отцу? Расслабься, детка, я не такой.

Киваю, глядя, как она приближается. На Саше белый сарафан в красный мелкий цветочек: оголенные плечи и юбка до середины бедра. Если девушка покружится, наверняка, будет видно трусики. Сам себя одергиваю от таких мыслей. Посмотри на нее, Борцов, она же реально ребенок, даже одевается, как семилетка какая-то.

– Здравствуйте, Роман Александрович, – говорит мне, усаживаясь на другом конце стола, я снова киваю, произвольно морщась и чувствуя себя старым извращенцем. Она ко мне по имени-отчеству, а я думаю, какие у нее трусики.

Почти заставляю себя не смотреть на эту пай-девочку, хотя слова Инны не идут из головы. Но пока мне сложно поверить, что этот тихий омут полон чертей, хотя при таких запретах, которыми обложил ее отец, их должно быть немало. Притаились и ждут своего звездного часа. Если верить Инне, конечно. Хотя я бы делил надвое, она сама испорченная, вот и смотрит на все с такой же позиции.

Я снова морщусь, понимая, что слишком много думаю о Саше. Переключаю внимание на Мота, включаюсь в разговор, периодически бросая на девчонку взгляды. Она ест быстро, глядя в свою тарелку, а потом сразу уходит.

Часа через два супружеская чета оставляет меня одного, я решаю прогуляться до озера. С удовольствием прохожу по знакомой тропинке вдоль леса и выхожу на берег. Народу много, детвора с визгом бросается в воду, шумит, пляж усеян отдыхающими.

Кидаю взгляд на берег и замираю, потому что вижу выходящую из воды Сашу. На ней простой черный купальник, она идет, отбрасывая назад длинные мокрые волосы. А я пялюсь на нее совершенно неприлично и ничего не могу сделать.

Впервые отмечаю, что у девушки отличная фигура: тонкая талия, плавный изгиб бедра, узкие плечи и небольшая высокая грудь. И коленки, мать их!

Пока я стою, разглядывая ее, она идет в мою сторону, но замечает не сразу. Останавливается в трех метрах и смотрит, не двигаясь, несколько секунд. А потом решительно идет на меня. Не успеваю ничего подумать, как девушка, остановившись в паре шагов, наклоняется за полотенцем. Я, как долбаный извращенец, смотрю на ее приоткрывшуюся грудь, покрытую мурашками. Саша не вытирается, закутывается в полотенце, отвернувшись от меня, а после уходит. Прямо так, держа свои вещи в руках. Я провожаю ее взглядом, чувствуя, что дал маху, как бы девчонка чего не надумала.

Искупавшись, возвращаюсь домой и до самого вечера мы с Мотом застольничаем, то обсуждая дела нынешние, то вспоминая былые. Ложусь спать усталый, но вполне довольный. А ночью просыпаюсь от настойчивого желания пить. Надо было захватить с собой бутылку воды.

Спускаюсь вниз, стараясь быть тише, все-таки три часа. Захожу на кухню и быстро пью прямо из-под крана. Утолив жажду, поворачиваюсь и вижу в лунном свете, падающем в окно, Сашу. Она спит в кресле-качалке, поджав под себя ноги. Я тихо приближаюсь, сам не зная, зачем.

Девушка вдруг шевелится, но не просыпается, просто поворачивает голову на другую сторону. Бретелька ее пижамной майки сползает вниз по плечу, оголяя грудь. Почему-то это выглядит охуенно именно сейчас, когда ее кожа в лунном свете кажется фарфоровой, когда грудь спокойно поднимается и опускается во сне. Я вижу небольшой сосок и ловлю себя на желании сесть перед ней на колени, поцеловать тонкую красивую шею, спуститься вниз и захватить губами сосок. Представляю, как девушка застонет, тяжело выдыхая, как подастся мне навстречу.

Стояк не заставляет себя ждать, и я мысленно матерюсь. Совсем ты, Борцов, офонарел, почти пятый десяток, а фантазируешь, как завалишь восемнадцатилетнюю скромницу. Блядь, реально не дело.

Я нахожу в себе силы развернуться и уйти. Если так хочется трахнуть молодое горячее тело, всегда можно найти

кого-то. Вот, к примеру, до официантки из кафе я так и не добрался.

Ложусь в постель со стояком, который не желает проходить, потому что перед глазами так и стоит спящая Саша. Я ворочаюсь и почти решаюсь на утреннюю пробежку, когда слышу осторожные шаги в коридоре. Нутром чую, что это она, затихаю, даже дышать почему-то перестаю. Шаги затихают перед дверью. Перед моей дверью.

Глава 8

Саша

Мне снится сон, такой волнительный и возбуждающий, что я просыпаюсь в легкой испарине. Сжимаю колени, словно пытаюсь погасить импульсы, расходящиеся от низа живота. Оглядываюсь, не сразу понимая, что сижу в кухне. Глубоко вдыхаю и чувствую аромат туалетной воды Романа, боже, он мне уже везде мерещится, и во сне, и наяву.

Встаю, поправляя съехавшую бретельку, и потягиваюсь. Комната родителей на первом этаже, моя и гостевая наверху. Домик небольшой, но уютный, очень люблю здесь бывать. Правда, в этот раз чувствую себя не в своей тарелке.

И все из-за Романа... Александровича. Хотя язык не поворачивается его так называть. Ничего не могу с собой поделать, весь день украдкой пялюсь в окно, глядя на него. Как он смеется, как жестикулирует, что-то рассказывая, как плавно двигается, словно хищник, красивый, уверенный в себе лев.

Но беда даже не в этом, а в том, как он смотрит на меня. Или я схожу с ума, охваченная своими желаниями, или нравлюсь ему. Он не просто смотрит, пронзает взглядом, сканирует, раздевает. И от этого телу становится жарко, мыслям в голове тесно, и все, чего хочется, чтобы это были не только взгляды, чтобы он прижал меня к себе, чтобы целовал, как

тогда в темноте подъезда, даже ещё жарче, чтобы раздевал меня, стягивал трусики.

Я отчетливо вижу его широкоплечую фигуру над собой, его дьявольский взгляд, такой непроницаемый и в то же время горящий, вижу его улыбку в уголке губ, которую безумно хочется целовать. Вижу, как он уверенно раздвигает мои ноги и оказывается сверху. Мне кажется, я даже чувствую тяжесть его тела, неповторимый запах кожи с нотками туалетной воды.

Сама не замечаю, как за этими мыслями снова оказываюсь в кресле, а рука скользит между ног. Но тут же одёргиваю себя, вскакиваю, сгорая от стыда и желания одновременно, и спешно поднимаюсь на второй этаж.

Застываю возле двери в комнату Романа. Что, если бы я вошла сейчас? Берусь за ручку, сжимаю ее так, что белеют костяшки пальцев, но не опускаю вниз. Это безумие. Даже если мои бредовые мысли реальны, и Роману я интересна, вряд ли он сильно обрадуется тому, что я пришла к нему в комнату в дачном доме, на первом этаже которого спят мои родители.

Мои строгие родители.

Эта мысль немного отрезвляет. По крайней мере, я отпускаю дверную ручку и делаю несколько шагов до своей двери. И только внутри понимаю, на что чуть было не решилась! Сумасшедшая. Нужно лечь спать и просто забыться. Правда, как это сделать, даже если во сне меня преследует этот

мужчина?

На следующий день мы отправляемся на озеро все вместе. Я специально даже купальник на беру, потому что плавать при Романе после вчерашней встречи на берегу не буду.

Мы бросаем покрывало на траву в стороне от пляжа, и они сразу собираются купаться. Ничего не могу с собой поделатъ, когда Роман начинает стягивать футболку, мой взгляд притягивается к нему. Краем глаза замечаю, что не только мой, женщины вокруг смотрят на него совершенно однозначно. Даже мама, которая по уши влюблена в папу, замечает:

– Ты в отличной форме, Ром.

Он растягивает губы в улыбке и отвечает ей тем же.

– Да, – смеётся отец, хлопая себя по животу, – скоро придётся мне отправляться в спортзал.

Мама на это только фыркает. Они втроем идут к воде, а мамы, и я в том числе, провожают взглядами широкую спина Романа и шикарную задницу, которую даже просторные шорты для плавания не скрывают. Разве может мужчина быть настолько идеальным?

Я ложусь на покрывало и закрываю глаза. Лежу так до тех пор, пока троица не возвращается. Почти сразу начинает портиться погода, поднимается ветер, а небо в один миг заволакивает тучами.

– Пора домой, – замечает отец, и мы быстро собираем свои пожитки, после чего вместе с остальными отдыхающими

ми идём к тропинке.

Дождь застаёт нас на середине пути, резко срывается с неба, косыми острыми струями хлещет по рукам. Мы начинаем бежать, мама смеётся, прыгая в быстро появляющиеся лужи. Я же стремительно мёрзну, на мне только вчерашний сарафан из тонкой ткани, он моментально вбирает влагу и прилипает к телу, так что я почти голой себя чувствую. Волосы липнут к лицу, нос шмыгает, зубы стучат – так я и вбегаю в дом.

– Быстро переодеваться, – кидает мама, и они с отцом скрываются в своей комнате.

Мы с Романом остаёмся одни. Стоим друг напротив друга и смотрим. Его взгляд опускается ниже моего лица, я непроизвольно слежу за ним и тут же прикрываюсь: грудь, облепленная мокрой тканью, кажется совсем голой, от холода соски торчат почти вызывающе.

Как только я закрываюсь, Роман возвращает взгляд к моему лицу. Я вижу, как капли падают на пол с кончиков его волос, как уголок губ привычно кривится в усмешке.

– Замёрзла? – произносит он неожиданно хриплым низким голосом, я медленно киваю, не отрывая от него взгляда.

Он достаёт из промокшего рюкзака большое махровое полотенце, которое мама сунула ему с собой на пляж и которым Роман не воспользовался. Набрасывает его мне на плечи, а потом почти заставляет опустить руки, которыми я прикрывалась. У меня кончается запас выдержки, я просто повину-

юсь ему. Роман снова кидает взгляд на грудь, и меня обдает волной жара, моментально повышающей температуру тела. Но мужчина только кутает меня в полотенце и начинает растирать через него мои плечи и руки.

– Есть отличный способ согреться, – говорит мне, я снова вспыхиваю, потому что слышу в этих словах сексуальный подтекст, и даже это позволяет забыть о том, что пару минут назад я мерзла.

Роман смотрит в сторону комнаты родителей, а потом берет меня за руку и ведёт на кухню. Я не соображаю, в голове звенит, ноги не слушаются. Думаю только о том, как он посадит меня на стол и...

Роман достаёт бутылку вина и наливает добрых полбокала.

– Пей, – протягивает мне, – только залпом.

Мои пальцы дрожат, как у заядлого пьяницы, дорвавшегося до заветного пойла. Только, увы, это не так. Я хочу не вино, я хочу Романа Борцова, друга моего отца.

Пью залпом, не чувствуя вкуса, внутри становится горячо. Отставив пустой бокал на стол, закашливаюсь.

– Я вообще-то почти не пью, – говорю ему.

Полотенце, накинутое на плечи, спадает, я не успеваю среагировать, но Роман ловит его, наклоняясь ко мне, возвращает на плечи. Его лицо оказывается очень близко, и я опускаю взгляд на губы. Хочется провести по ним пальцами: верхняя четко очерченная, нижняя пухлая.

Я снова погружаюсь в возбуждение, алкоголь только способствует этому, меня уже не смущает, что Роман тоже смотрит на мои губы, что опускает взгляд на грудь, которая все ещё отчетливо видна через подсохшую ткань сарафана. Это заводит, между нами происходит что-то интимное, прямо сейчас. Роман наклоняется к уху и шепчет:

– Ты только не сдавай меня, – и я не сразу понимаю, что это относится к алкоголю, мне кажется, мои слова звучали миллион часов назад, за это время, что мы смотрим друг на друга, вселенная могла взорваться и образоваться снова. А мне мало, катастрофически мало. Пусть он меня поцелует, прямо сейчас!

Роман словно слышит мои мысли, его дыхание, щекотавшее шею, вызывающее мурашки на коже и спазмы внизу живота, пропадает. Он снова смотрит на меня. Его взгляд гуляет по лицу хаотично: глаза, губы, скулы, лоб, и снова губы. Я поджимаю пальцы ног и собираюсь сделать то, о чем буду, возможно, жалеть. Потянуться к нему навстречу.

И в этот самый момент из родительской спальни раздаётся женский стон и методичный скрип пружин матраса. Я начинаю хлопать глазами, потому что эти звуки настолько инородны моменту, в котором я только что находилась, они не вписываются, разрушают стены моей личной реальности под названием Роман-Борцов-прямо-сейчас-меня-поцелует.

Когда я наконец понимаю, что происходит, мне хочется разрыдаться.словно в красивую сказку романтической эро-

тики кто-то вставил дешевое домашнее порно.

Смотрю на Романа и вижу, как он, прикрыв глаза, начинает тихо смеяться. При этом так выразительно, что я поневоле улыбаюсь.

– Кажется, нам лучше пойти наверх, – шепчет мне, не скрывая улыбки, я киваю, и мы идём к лестнице.

Его комната первая, и он скрывается в ней, ещё раз улыбнувшись мне. Я стою долгих тридцать секунд, гипнотизируя ручку, но она не опускается, и я иду к себе. Падаю на кровать, обхватывая руками, пытаюсь унять вновь накотившую дрожь.

Я всерьёз не понимаю, что между нами. Нравлюсь я ему или нет? Вот если бы хоть какой-то знак.

И я получаю его в понедельник ровно в двенадцать часов дня. Я сижу за партой в ожидании звонка на пару, когда мой телефон вибрирует. Почти уверена, что это родители, но номер оказывается неизвестным.

Я открываю сообщение и вчитываюсь раз, другой, третий. Ладони становятся липкими, а сердце замедляет ход. Жмурюсь и снова смотрю на экран, но слова никуда не исчезают. И в который раз за эту минуту я читаю:

«Не могу не думать о тебе, Саш. Ты очень красивая».

Глава 9

Рома

Понедельник радуется бурной деятельностью и ворохом воров, принимаюсь за дела с особым рвением.

После таких выходных – то, что мне нужно. Эта девчонка сводит меня с ума, и теперь, когда я просто о ней вспоминаю, в штанах тут же становится тесно. Отдохнул, блядь. Развеемся.

На удивление и мою радость, Костровы ничего вокруг не замечают, кроме того, что их «Шурочка» ангелочек, и успехи в учебе у нее просто выше всех похвал. Кстати, они еще и не в курсе, что Саша терпеть не может производное от своего имени. Я удивляюсь, как это возможно. И то, что Костровы не видят очевидного, и то, что я помешался на какой-то малолетке.

Правда, совершеннолетней малолетке с охеренной фигурой, пусть и не с такими формами, как у Инны, но у Сашки все вполне округлилось. Я бы даже сказал, идеально, ничего лишнего, уж успел рассмотреть ее в купальнике. А еще у нее сексуальный взгляд. Вроде бы страх в глазах, словно один миг, и она сбежит, а взмахнет ресницами, и в упор наповал. Умом можно тронуться. Она так на меня смотрит, что я в какой-то момент чуть не срываюсь.

Там, на кухне, когда Саша тянется ко мне, и я практически целую её... Еще немного, и почувствую вкус ее губ, картинка в голове становится отчётливой настолько, что я еле сдерживаюсь, чтобы не усадить ее на стол позади. То ли вино, то ли возбуждение достигает пика, и мозги просто отключаются, я чуть не переступаю эту грань.

Благо, Костровы хоть и говорят, что секса до пенсии не существует, сами занимаются опровержением своих же доводов. Стоны доносятся из их спальни точно не из-за проблем со спиной.

Но какова девчонка! Я так и не понял, она все это под воздействием алкоголя? Или просто репетирует взгляды для того недоумка, в которого влюбилась? Я не знаю его, но он вызывает четкую неприязнь.

Нужно что-то делать с этим влечением. Ни в какие ворота. Нет, у меня нет принципа отбора девиц по возрасту, главное, чтобы совершеннолетняя. Паспорт я обычно не прошу, но до этого не западал так рьяно на совсем уж мелких. Восемнадцать. Да у нас разница в возрасте больше, чем ей лет!

Я вдруг вспоминаю об официантке, недвусмысленными намёками которой я так и не воспользовался. Решено: пересплю с девицей возраста Саши, и отпустит. А отпустит ли?

Возвращаясь из мыслей, беру в руки телефон, какое-то время верчу его в руках. В списке контактов сразу же натыкаюсь на имя «Александра», Мот дал ее телефон перед поездкой на дачу на всякий случай.

Он говорит, дочь с телефоном не расстается, книги умные читает. Ну-ну. Или переписывается с типом своим. И вместо учебы они практикуют секс по телефону. Блядь. Начинает выводить этот круговорот.

Возникает непреодолимое желание написать Саше.

Я набираю сообщение, стираю, откладываю телефон в сторону и подхожу к окну. Внимательно разглядываю некогда родной город, в этой части современные башни стоят вперемешку со старинными зданиями, забавно, что рядом с музеем располагается небольшой отель. А вот по другую сторону от отеля магазин эротических товаров. Очень удобно.

Ухмыляюсь и нахожу глазами вдалеке здание института, отсюда видно лишь его крышу, но не ее серое покрытие меня привлекает, а то, что там сейчас, возможно, находится Саша. К черту. Быстро возвращаюсь к своему месту и отправляю сообщение. Надо прекращать этот идиотизм, я слишком много думаю о девчонке, потому что она – запретный плод.

Глава 10

Саша

– Саш, ты опять зависла, а ну, колись, с Димой помирилась? Это он тебе пишет? – вырывает меня Полина из сладких раздумий.

А я все ещё перечитываю сообщение от неизвестного. Но, кажется, я знаю, кто он. Сердце замирает, когда вспоминаю выходные на даче, а особенно взгляды Романа... Александровича. Да к черту! Просто Романа. Мурашки бегут по телу непроизвольно, а внизу живота становится горячо. С Димой такого я никогда не испытывала.

Поднимаю взгляд на подругу, мы сидим в столовой, пьем кофе, она болтает, я сжимаю телефон с открытым сообщением.

– Нет, это другое, – качаю головой, но заранее знаю: Полине нужны подробности.

– Оооо, у меня появился другооой, – пропевает она на мотив песни «Виагры». – Кто он? – наклоняется ещё ближе подруга, заглядывая в мой телефон, но я прижимаю его к себе.

– Никто у меня не появился, – говорю, в общем-то, правду. Хотя очень хочу, чтобы это была ложь. – У нас ничего толком не было, – теперь немного приходится слукавить.

Между нами снесший мне разум поцелуй, между нами

взаимные будоражащие взгляды, я видела его в трусах, а он разглядывал мою грудь под мокрым сарафаном. И все это чуть не подытожил несостоявшийся поцелуй на кухне дачи.

Конечно же, вслух мысли не произношу, и Полина воспринимает мои слова по-своему:

– А что ты ответила? – подпирает щеку, облокачиваясь на стол, и принимает такой вид, будто я все уже ей рассказала. А я растерянно хлопаю ресницами.

– Я не... отвечала.

– Если не ответишь, то ничего и не будет!

Тоже мне, экстрасенс!

– Поля, а как твои дела на личном? – меняю направление вектора в сторону подруги. – Ты говорила, что тебе надоели все эти маменькины сынки. Их кошельки отныне не подходят?

Поля смеётся, откидывая темные волосы с лица, облокачивается на спинку стула:

– Я решила, что мне подходят их папы. Да и у них больше... не только кошельки.

Понимаю, о чем она говорит, но в моем случае думаю о состоянии счета в последнюю очередь, а вот тот самый «не кошелек» у Романа я, на свой стыд, украдкой оценила. Правда, лишь в плавках, но даже этого мне хватило с головой, чтобы краснеть ещё несколько часов после.

– Ты извращенка, – смеюсь на ее «поигрывание» бровями, а у самой сердце вот-вот выпрыгнет.

Кто, кто, а во снах с другом своего отца вытворяет то, что извращенкам даже не снится, совсем не Поля.

– Сколько времени прошло? – кивает подруга на телефон, замечая, что я снова поглядываю на экран.

– Пару часов. А что?

– Это просто супер. Теперь можно писать ответ.

– Почему? – удивлённо вздергиваю брови.

Вообще-то, я ещё не придумала, буду ли отвечать. И что. И как. Тело охватывает дрожь лишь от одной мысли, что он прочитает мое сообщение. Любое.

– Потому. Во-первых, ты подогрела интерес к себе этим молчанием, это плюс, но долго тоже нельзя. Можно перестараться, понимаешь?

– Нет, – отвечаю растерянно, мне интересно ее послушать.

Полина более опытная в этих делах, она точно знает, как подцепить парня на крючок. Поэтому готовлюсь к инструкции по применению.

– Если ты слишком долго будешь мариновать без какой-либо отдачи, то рыбка с крючка сорвётся. Ответь ему, дай надежду.

Поля накидывает мне варианты, но я выбираю самый скромный.

«Спасибо, мне приятно. Но хотелось бы знать, кто обо мне думает».

Отправляю. Теперь минуты кажутся часами. На самом деле, других вариантов просто нет, некому больше писать мне

такие сообщения. . . Надеюсь, Романа не смутит этот вопрос, а то ещё решит, что у меня тут рой поклонников.

Пытаюсь вести беседу, но думаю только о том, что оповещение о входящем сообщении до сих пор не прозвучало. Когда уже всюю наматываю нервы на дрожащие пальцы, слышу долгожданный сигнал и тут же хватаюсь за телефон.

– Ну что там? – снова пытается заглянуть Полина, но и теперь я не даю.

Расплываюсь в улыбке и не верю, что окажусь совсем скоро с Романом наедине. Точнее, без третьих лишних.

– Предлагает увидеться, – закусываю губу в сладком предвкушении и быстро набираю ответ, но Поля меня останавливает:

– Не вздумай!

– В смысле?

– Сегодня у тебя дела!

– Но я вечером совершенно не занята, – возражаю, не понимая, почему я не могу увидеть его прямо сегодня?

Я уже у себя в голове все очень хорошо представляю, но подруга меня снова обламывает:

– Ему об этом знать необязательно. Помнишь о маринаде?

– Написать, что у меня плотный график? А если он передумает?

– Как-нибудь в другой раз тоже не прокатит. Так и на другую успеет переключиться, решив, что это своеобразный отказ. Пиши, что завтра ты свободна, пусть сутки помучается.

Поверь, от этого ожидания ты станешь ещё желаннее.

С благодарностью киваю и печатаю сообщение. Ответ приходит довольно быстро. Роман соглашается и добавляет, что у меня красивые глаза. Поля показывает ободряющий жест, сжимая руку в кулак, словно утверждает: «Я же говорила».

А у меня на лице расплывается довольная улыбка, словно у дурочки. Счастливой дурочки.

Домой прибегаю окрылённая предстоящей встречей. Я наизусть выучила сообщения, мне даже открывать их необязательно, но время от времени я снова проверяю телефон, будто там появится что-то новое.

Дома сталкиваюсь с отцом, он заехал на обед, как обычно спрашивает про учебу, но я слишком занята своими мыслями, чтобы раздражаться по этому поводу.

Перебираю наряды в поисках подходящего платья, сначала мне ничего не нравится, и все же в недрах шкафа отыскиваю нужное, из ящика достаю кружевное белье, его я ещё не надевала, накупила по глупости, когда встречалась с Димой, но до четвертого комплекта дело так и не дошло.

Белье очень красивое и дорогое, подарок от тети Инны, сама бы такое я себе не купила.

Вдруг проносится совершенно непрошенная мысль. А как же тетя Инна? Я с ней не соревнуюсь, конечно, но теперь испытываю стыд, словно побеждаю, пройдясь по головам. Не

знаю, как тут поступить.

Сначала просто встречу с Романом, а потом решу, что делать. Я же просто иду на свидание... Снова смотрю на белье. Впрочем, как пойдет. Эта встреча для меня самой загадка, он – для меня загадка. И сам факт того, что Роман решился перешагнуть черту, как по мне, почти чудо.

Я закрываю глаза и вспоминаю запах его парфюма, обхватываю себя руками, встаю и кружусь по комнате, натываясь на кровать, падаю на нее, смеюсь. Вижу полку – она высоко, именно туда я засунула духи, которыми пользовалась в тот день. Закусываю губу, но решаю пока оставить флакончик там же. Может, он и так меня вспомнит после поцелуя. Вот он удивится!

Но самый настоящий сюрприз ожидает меня вечером. Когда в доме раздастся звонок домофона, трубку поднимает мама, я ещё удивляюсь, что папа забыл ключи, но на пороге Роман.

Сердце ёкает от одной только мысли, что он, прикрываясь делами, пришел, чтобы сегодня меня увидеть. И зачем только я наврала про то, что занята! Надеюсь, он не сочтёт это игрой...

В отцовском доме Роман явно чувствует себя скованно. Я вижу, как он на меня смотрит, старается даже прикоснуться, будто невзначай, но разговоры не заводит. Мне это нравится. Это наша тайна.

Глава 11

Рома

Время до вечера пролетает быстро. Я понимаю, что «поставив галочку» в своем решении, почувствовал облегчение. Да и дел столько, что прочие мысли отходят на второй план. Сообщение в ответ приходит лишь через два часа. Прекрасно, отправляю ещё одно с предложением встретиться и быстро получаю ответ. Сегодня никак, ну что ж, давай завтра. Вот и хорошо. Отправляю сообщение, добавляя ещё один комплимент, и смотрю на часы.

Очередное собеседование с кандидаткой на вакансию моей помощницы. Инна мне присылает девушек, но все мимо. На сегодняшнюю я тоже надежд не возлагаю. Может, Шамова намеренно это делает?

Нет, в ее профессионализме я не сомневаюсь, но мне кажется, она все же злится, что я отказался от ее заманчивого предложения и выходные провел в другой компании.

Я оказываюсь прав, из трёх кандидатур ни одна не подходит, и делами по-прежнему заниматься Инне, она говорит, ей несложно. Тем более я за это плачу. Однако помощница мне бы не помешала, Шамова обещает прислать ещё парочку на собеседование. Может, правда, удовлетворить Инну? Мне, в принципе, не сложно.

Раздается телефонный звонок, Мот на проводе, отлично, у меня как раз для него новости по тендеру.

– Ром, – слышу в трубке взволнованный голос друга. – Есть нетелефонный разговор. Это касается нашего проекта.

– Ты тоже в курсе про «КонсалтСтрой»? – ухмыляюсь в ответ.

– Ребята наглеют, нужно обсудить кое-что, – добавляет Костров, я тут же представляю, как он хмурит лоб.

– Заеду к тебе в офис после шести, – обещаю я, но Костров взволнованно произносит:

– В офис не надо, я сейчас отъеду по делам, – в трубке повисает молчание, потом Мот восклицает:

– А поезжай ко мне домой, там девчонки тебя ужином накормят, и я как раз к тому времени подъеду, просто не уверен, во сколько точно освобожусь.

Представляю, что там будет Саша, видеть её при родителях, сдерживать свои желания – очередная пытка, и пытаюсь возразить:

– Давай на утро перенесем. Подождет наш разговор.

– Утром тоже занят. Да и нужно действовать решительно. Ром, – меняется голос Мота, – я тебя уверяю, борщ у Иры просто отпад, не отказывайся. В кафе тебя накормят сорняками, выдавая за деликатес, а тут домашнее, пальчики оближешь. А Сашка ещё что-то там печь собралась. Заезжал домой на обед, она там счастливая порхает. Говорит, зачёт какой-то сдала важный. Так что дуй к нам, отказ не принима-

ется. Да и разговор серьезный, – тут же меняются ноты веселья в голосе на тревожные.

– Твоя взяла, – соглашаюсь все же.

Ну что я, пацан что ли, из-за стояка на девочку не дай бог ещё выгодное дело профукать.

Однако предстоящий вечер волнует. Зачёт сдала? Мне теперь каждое подобное утверждение кажется двусмысленным. Интересно, это какой предмет у Саши вызывает столько эмоций? И точно ли она сдала зачёт, а не сама сдалась в руки тому, кого ее отец с лёгкостью размажет по стенке? Интересно, она обо мне думает, когда с тем парнем? Дьявол. Скорее бы завтра, возбуждение уже пробралось в мозг, и я намерен его выплеснуть, считая, что после секса отпустит.

После работы, как мы и договорились с Костровым, еду к нему домой. Телефон у того выключен, но он предупредил, что это возможно, значит, ещё не освободился. Что ж. Пока что аппетит у меня вполне земной, а когда я утолю обычный голод, там и Мот вернётся. При отце Саша сбегает практически сразу, и возможно, мой стояк останется незамеченным. Все же Костов и его заверения о двустволке бодрят.

Но когда я сижу на кухне у Костровых, понимаю, что дела мои паршивы. Нет, борщ и правда великолепен, тут друг не соврал, но Мот задерживается, Ира крутится рядом, а Саша не только не уходит, но и поглядывает более чем откровенно.

Внезапно спрашивает, буду ли я кофе, поднимается с места и поворачивается спиной, тут звонит телефон Ирки, и

она отправляется в другую комнату, чтобы поболтать по с подругой. Теперь я могу без помех любоваться Сашей.

Она словно намеренно крутится перед моим носом, но в отличие от вульгарных девиц ее действия естественны. На-мека на призыв в них нет, даже наоборот, но я вопреки все-му завожусь. Движения грациозные, но чувствуется, что Са-ша действительно чем-то взбудоражена. В отличие от Мота, я уверен, что это не зачёт.

Брожу взглядом по ее телу, останавливаюсь на попке. Са-ша в домашних штанах, они обтягивают ее формы, и я в мыс-лях уже стою за ней. Прижимаю к себе одним движением, вдыхаю аромат волос, упираюсь членом ей в бедра, снимаю к черту эти треники и...

Она резко оборачивается, и к ее уже привычно испуган-ному взгляду добавляется робкая улыбка. А вот мне не до веселья. Я только что мысленно девушку отымел.

– А Вы... сладкое любите? – вдруг спрашивает Саша. – Я кексы испекла, но тетя Инна говорит... – Саша запинается, а я поднимаю брови. Девушка заливается краской, но все же продолжает: – Говорит, что у вас фигура такая, потому что вы на диете.

– Здесь все в комплексе, – успокаиваюсь, что Саша под сладким имела в виду обычный десерт. – Правило трёх «С».

Девушка опирается на столешницу позади и чуть накло-няет голову:

– И что это значит?

– Спорт, сон и... – бросаю взгляд на выход с кухни, Ирка ещё треплется и вряд ли услышит слово, запрещённое в святая святых Костровых, но теперь мне кажется, что прозвучит оно двусмысленно.

– А третье «С»? Салат?

Я не выдерживаю и смеюсь. Она и правда совершенно не испорченная. И очень забавная. Отмечаю, что мне нравится эта непосредственность.

– Салат, – киваю, едва сдерживая смех, Саша пожимает плечами и вскоре ставит на стол две чашки с ароматным напитком. – Но кекс тоже будет не лишним, – намекаю на обычный десерт, но Саша снова краснеет. Хотя слово «секс» я так и не произнес.

Когда она садится, я задеваю под столом ее коленки, но теперь не уверен, что делаю это случайно. Мне хочется к ним прикоснуться прямо под столом, но я не совсем уж идиот. Одно дело фантазии, другое – факт и осознание, кто передо мной и где мы находимся. На кухне Мота.

А она – Ангелочек во плоти. И хоть реально милая, убежден, что она твердит про учебу, только чтобы не злить отца. Иначе что это снова за взгляд украдкой?

Возвращается Ирка, и я слышу спасительный звук закрывающейся входной двери, на пороге появляется Мот. Выдыхаю, надеясь, что эта попытка подошла к концу.

Ирина идёт навстречу мужу, обнимает его за шею и целует в щеку. Мне нравятся их отношения. Они долбанную тысячу

лет вместе, но кажется, их это не раздражает. Не представляю, каково это: приходить домой каждый день и не менять партнёра. Да мне и не надо. В семейные узы меня не тянет.

– Ром, ну как тебе ужин? Скажи ведь, лучше забегаловок? – интересуется Мот, растягивая губы в улыбке. Он старается быть весёлым, но я вижу, как он напряжен.

– На таких кормах я бы и сам пузо отрастил, – подшучиваю над другом. – В выходные шашлыки, теперь вот это, чувствую, одной пробежкой не обойтись. Придется переходить на... салат.

– Шурочка, а как дела в институте? – портит все мой друг, и Саша сжимает губы:

– Завтра лекция, а после зачёт и потом надо учебники сдать, поэтому буду поздно, – она бросает на меня взгляд и задерживает его чуть дольше положенного, я улыбку с лица убираю, меня прошибает этот ее, казалось бы, простой жест, а Сашка тут же удаляется.

Наваждение постепенно сходит на нет, да ещё Ирка со своей Инной достает. Я давно уже ее уложил, но почему-то мне не хочется делиться этой информацией с Костровыми, а Ирина явно не оставляет попыток нас свести.

Когда она, наконец, скрывается в недрах квартиры, мы с Мотом переходим к делам. Я хмурюсь по мере его рассказа, в целом, все не так плохо, но есть вероятность, что нас обойдут конкуренты. Для этого им, правда, надо занять информацию о наших условиях, да и вариант подставы с их стороны

незаконный, но кого это волнует, если у тебя в администрации связи. А судя по всему, у этого «КонсалтСтроя» есть.

Обговариваем детали возможных вариантов развития событий, и я решаю завтра же позвонить в Москву. Неплохо бы и нам подстраховаться.

Следующий день проходит в той же суматохе. За исключением того, что теперь на собеседование приходит две грузные женщины. И одна, и вторая, действительно, в познаниях чуть лучше предыдущих, но меня раздражает их нерасторопность, и я отмечаю, что снова мимо.

Даже делюсь с Матвеем своими неудачами в подборе персонала. Он смеётся с моих жалоб и уверяет, что я слишком требователен. И с ними не обязательно спать. Так что подойдут любой комплекции. Вот серьезный мужик, а все тот же Мот, как и в детстве.

Вечер наступает неожиданно. Из Москвы мне не звонили, значит, пока лазейку не нашли, а у меня совсем скоро встреча в кафе.

Черт знает отчего, не по себе. Нет, не потому, что собираюсь трахнуть молоденькую девушку сегодня, а просто все больше сомнений, что мой план сработает, и один секс что-то изменит.

В назначенное время останавливаю машину у неброской вывески местного заведения. Что ж, удачи тебе, Борцов. Получишь молодое тело и гуляй смело.

Глава 12

Саша

Время в институте тянется невероятно долго, снова захожу на зачёт первой и вскоре уже мчусь домой, чтобы сходить в душ и переодеться.

Дома все спокойно: папа уехал рано утром, мама на каком-то форуме для бизнес-домохозяек. С утра меня никто не видел, поэтому я без опаски надеваю другое платье. Распускаю волосы, потом делаю причёску и снова распускаю, решив, что буду естественной. Макияж лёгкий, глаза блестят, кручусь перед зеркалом, я себе нравлюсь – белье тоже село идеально.

В разгар сборов прилетает сообщение от «Р». Именно так я записала его в контактах.

«Всё в силе? Хочу тебя снова увидеть».

«И давно ты меня видел?» – кокетничаю спустя пятнадцать минут, которые выдерживаю с трудом.

Ожидание выматывает, но Полина строго-настрого запретила отвечать молниеносно.

Зато ответное сообщение радует.

«Вчера. Мне очень нравится твоя улыбка, Саша», – прилетает почти сразу, и я не выпускаю телефон ещё несколько минут.

Моя улыбка ему нравится. Кажется, прямо сейчас нет никого счастливей меня, хотя это всего лишь сообщения. Сердце отчаянно стучит в предвкушении, и мне не терпится скорее сбежать из дома.

Но перед самым выходом сталкиваюсь с отцом. Он возникает на пороге неожиданно, смотрит на меня во все глаза, я на него тоже.

– Шурочка? – поднимает брови. – А почему не в институте? Ты же говорила, что допоздна.

Я замираю, даже язык немеет, будто меня уже разоблачили. Мне страшно, что папа сейчас что-нибудь спросит и всё-всё-всё поймет. Ненавижу врать, но иногда это единственный способ ничего ему не объяснять. И хоть слово «учеба» – мой амулет, в другое время могла бы взбунтоваться и даже сказать, что ещё не так поздно, и я могу сходить, куда угодно. Но только не сегодня. Не сейчас. Я не хочу, чтобы он все испортил.

Просто стою и смотрю на него, понимая, что надо хоть что-то сказать.

– Сдала зачёт одной из первых и решила забежать домой, чтобы перекусить, – пожимаю плечами, надеясь, что мой голос звучит естественно.

И кажется, мне везёт, потому что эту тему отец оставляет и переходит к моему внешнему виду.

Осматривает, хмурясь, но ничего не говорит. Платье приличной длины, хоть и короче, чем я обычно ношу, да и вы-

брала довольно простое, но оно так мне нравится, что я ни минуты не сомневаюсь, оно – то, что нужно.

– Платье слишком короткое, – выносит вердикт папа. – Переоденься.

Хмурясь, качаю головой.

– Некогда, пап, я уже убегаю.

Но разве для него это аргумент?

– Александра, – строго произносит отец.

Но когда он так называет, мне даже больше нравится. Не хочу менять платье, оно кажется мне счастливым, но покорно плетусь в комнату. Взбрыкну сейчас, так вообще дома останусь, ну или пойду в строгом невзрачном костюме.

Достаю платье чуть выше коленей и выхожу в нем с натянутой улыбкой. Отец доволен, прекрасно.

– А ты почему дома? Говорил ведь, что задержишься, – вспоминаю, что он сам в разговоре с матерью упоминал это, но отец лишь устало вздыхает:

– Отменились дела. И Рома вечером занят, встреча у него. Девчонки мои разбежались, – говорит уже мягче. – Так что ужинать мне в одиночестве сегодня.

Папа не замечает, что произнесённое им имя «Роман» словно электрическим током прошибает мой позвоночник. Сердце замирает, его сладостно обволакивает новой волной – я знаю, на какую встречу собрался Рома, улыбаюсь и целую папу в щеку. Даже не злюсь из-за платья, потому что настроение вновь взлетает.

Спускаюсь по ступенькам, перепрыгивая сразу через две, и улыбаюсь. Вот на этом месте мы с Романом впервые столкнулись.

Понимаю, что так и не ответила на сообщение, и пишу: «Серый волк ждёт Красную шапочку?»

Но ответа не получаю. Наверно, занят.

Прихожу в кафе я все равно рано, хоть Поля и убеждала, что нужно немного опоздать. Присаживаюсь за пустой столик и заказываю кофе. Больше ничего не влезет, это ожидание просто с ума сводит.

Руки дрожат, сердце стучит, меня накрывает дрожь, а временами обдает то жаром, то холодом.

Пытаюсь взять себя в руки и репетирую в голове наши диалоги, но когда в очередной раз открывается дверь, замираю совершенно без мыслей.

Нет, это снова кто-то другой, и зачем села так далеко от окна? Зато вход видно.

Выпиваю кофе в ожидании и заказываю ещё, от десерта отказываюсь. Потом.

Входит какой-то парень, блуждает глазами по залу, а я вытягиваю шею, пытаюсь заглянуть за его спину. Как же неудобно он встал, входа теперь не видно. Парень улыбается мне, и я вдруг понимаю, что сама бесконечно растягиваю губы в улыбке. Внезапно чувствую себя глупо, выгляжу наверняка смешно, улыбку убираю и опускаю взгляд в чашку, обхватывая её руками. Слышу совсем рядом:

– Привет.

Вздрагиваю и поднимаю глаза.

– Не узнаёшь меня? – вздергивает брови парень, который улыбался мне только что.

А я не понимаю, почему должна его узнавать и что вообще ему от меня нужно. Я хочу, чтобы поскорее пришёл Роман, и ко мне больше никто не приставал, но в дверь по-прежнему никто не заходит.

– Саша, – говорит вдруг парень, я начинаю вглядываться в его черты. – Ты серьезно меня не помнишь?

Господи, я же точно больше ни с кем не целовалась в темном подъезде? Совершенно дурацкая мысль, но в этом парне действительно есть что-то знакомое, я его видела, только не помню, где.

– Я – Андрей, – пытается освежить мою память незнакомец. Вот же неугомонный! – Мы с тобой познакомились в кафе, ты была с подругами.

Начинаю вспоминать тот день, это же как раз после поцелуя с Романом в подъезде! Неудивительно, что я не помню парня. Я себя не помнила, мои мысли были вообще далеко от этого Андрея, впрочем, как и сейчас.

Все-таки он очень не вовремя. Придёт Роман, увидит нас вместе... Я, конечно, всё объясню, но не хочу начинать наше свидание с неприятной ситуации.

– Прости, Андрей, – пытаюсь быть вежливой. – Здорово, что ты меня узнал, но я кое-кого жду.

Должен же он понять, ему тут не место. Но вместо того, чтобы удалиться, Андрей усаживается напротив и широко улыбается.

– Ты так и не поняла? – действительно удивляется он.

– Что я должна понять? – говорю осторожно, но возникает тревожное чувство внутри.

Сердце замирает и принимается тут же стучать быстрее, оглушая своим ритмом, а я продолжаю отчаянно смотреть на дверь в нелепой надежде. Она вдруг открывается, и я чуть не падаю в обморок. На пороге стоит Роман. Он пришёл! Мужчина меня не видит, зато я не отвожу глаз. В ушах нарастает гул и бьется одна-единственная мысль: я тут, я тут, я тут!

Андрей, между тем, произносит:

– Мы учимся в одном институте, и я наблюдаю за тобой уже какое-то время. Очень хотел тебя увидеть снова, еле дождался нашей встречи.

Парень ещё что-то произносит, а меня накрывает волна. Ничего не вижу, ничего не слышу, что он такое говорит? Это не он меня хотел увидеть, а Роман. Что за глупости? Откуда тогда здесь взялся Роман?

Сейчас всё обязательно встанет на свои места. Хочется крикнуть мужчине, что я здесь, но во рту пересохло, руки дрожат так, что чашку поднести ко рту не в силах.

Просто смотрю на то, как Борцов, не оглядывая зал, подходит к стойке, что-то говорит администратору, тот кивает, и мужчина проходит к столику неподалеку.

– Ты очень красивая, Саша, – выхватываю знакомую фразу из всего потока, что сейчас говорит Андрей. – У тебя волшебные глаза.

Я помню сообщения наизусть, но это же просто совпадение, верно?

– Это я тебе писал, – добивает Андрей словами, словно выстрелом в упор, и до меня наконец-то окончательно доходит, что произошло. Эхом его слова бьют по сердцу, оставляя болезненные удары. – А почему ты назвала меня серым волком?

Становится тошно, чувствую себя полной дурой. Не понимаю, что здесь делаю и что теперь говорить. К горлу подкатывает ком, я всё ещё надеюсь, что не так всё поняла. Он же пришёл. Роман. Вот он, всего в нескольких метрах от меня. Это же бред. Бред.

– Бред, – шепчу одними губами. Чья-то дурацкая шутка. Как замороженная, продолжаю наблюдать за мужчиной, с которым ещё пару минут назад сходила с ума в нарисованном мире.

Роман присаживается за столик, вдруг оборачивается в мою сторону, мы встречаемся взглядами, и он замирает.

Мы смотрим друг на друга, и в его глазах я вижу явное удивление, последняя наивная надежда, спрятавшаяся на задворках сердца, пропадает.

Это Андрей, не Роман. Андрей писал мне все эти смс, Андрей пригласил на свидание и считает красивой. А все

остальное – только игра моего больного воображения. Взгляды, намеки, улыбки Романа – все это выдумка, я просто видела то, что хотела видеть, а не то, что было на самом деле. А что на самом деле? Что он делает здесь?

И тут я вижу входящую в дверь Полинку. На моем лице ещё большая растерянность, я твёрдо уверена, что она сегодня не работает, потому и согласилась на это заведение, чтобы не столкнуться с ней. Ведь я не собиралась посвящать ее в свои, как оказалось, придуманные отношения с Романом. Впрочем, никакого разоблачения мне теперь не грозит, так что все равно, увидит она меня или нет. Интересно, подруга пришла сюда на очередное свидание?

Полина тем временем одергивает короткую юбку и уверенно направляется к Роману. Я, в отличие от него, вижу ее и то, как она подходит к нему со спины, как кокетливо кладет руку на плечо и проводит пальцами по сильным предплечьям. Мне кажется, я вижу даже, как под тонкой тканью рубашки напрягаются мышцы от этого прикосновения. Но Роман не двигается, так и смотрит на меня, и только когда Полина тянется и бесцеремонно чмокает его в щеку, переводит на нее взгляд.

А у меня в голове какой-то кисель, потому что я не могу поймать ни одной мысли, только вязкое оупение заполняет голову от висков к затылку. Как через туман слышу голос Андрея, но совершенно не понимаю, что парень говорит. Мне приходится приложить гигантское усилие воли, чтобы

повернуть к нему лицо.

Внезапно становится легче, когда я не вижу этих широких плеч, взгляда вроде бы и исподлобья, но какого-то доброго. Я концентрирую остатки сил на то, чтобы услышать Андрея. Он словно не замечает моего состояния, говорит и говорит. Его болтовня звенит колокольчиками где-то за темечком, раздражая, заставляя не выпадать больше из реальности.

– Присядем? – все-таки неуверенно спрашивает Андрей, отодвигая мой стул.

Даже не помню, когда я успела встать, вообще ничего не соображаю. Больше всего на свете хочу схватить свою сумочку и убежать, но знаю, что ноги будут приклеены к полу, пока в зоне моего взгляда будет находиться Роман. Может, они с Полиной сейчас уйдут?

Я сажусь, и в этот же момент передо мной вырастает мужественная фигура в белой рубашке, мой взгляд находится на уровне нижних пуговиц, и я настойчиво рассматриваю их, чтобы не поднимать глаза.

– Санька, привет, – Полина чмокает меня в щеку точно так же, как несколько минут назад Романа, и снова виснет на его локте, – я только поздороваться, мы уже уходим.

Она активно намекает мне, расширяя глаза и кивая в сторону Андрея, и, спохватившись, я произношу ровным безэмоциональным голосом:

– Полина, это Андрей, может, ты его помнишь, мы как-то

вместе сидели в кафе.

– Точно, – Полина хлопает себя по лбу, жеманно и нена-
турально. – Я и вижу, лицо знакомое. Ну приятного вам ве-
чера.

Она явно пытается уйти, и я, сама не ведая, что творю,
говорю:

– А ты нас не познакомишь со своим... – на мгновенье
сбиваюсь, не зная, как его назвать. Кавалер? Ухажер? И за-
канчиваю просто. – Мужчиной.

– Это Рома, – Полина сияет, как новенький самовар, толь-
ко что привезенный из Тулы.

Впервые я завидую подруге до зубовного скрежета: за то,
что она может так просто докоснуться до этого мужчины, за
то, что зовет его по имени, за то, что... она будет с ним этой
ночью. И он будет целовать ее.

Я впиваюсь в сиденье стула с такой силой, что чувствую,
как дерево врезается мне под ногти. Смотрю на Романа в
упор, в ушах стучит, оглушая, а перед глазами плывет белый
дым. Я вдруг отчетливо понимаю, что готова сделать все, что
угодно, чтобы Полина не оказалась в его постели. И произ-
ношу, слыша себя как будто со стороны:

– Может, составите нам компанию?

Глава 13

Рома

Это, блядь, просто неповторимо. Какая-то тупая комедия, в которой я вдруг стал главным героем. Неужели среди нескольких тысяч доступных малолеток этого дрянного города я должен был познакомиться именно с подружкой Саши и встретиться с ней именно в этом месте и в этот день?

Я стараюсь делать вид, что не знаю ее, хотя бы потому, что вижу, как изменилось лицо, когда Саша меня увидела. Испугалась, видимо, что я сдам ее строгому папочке. Только на хрена тогда это предложение составить компанию? Или думает, я прямо сейчас побегу звонить?

Полина смотрит на меня неуверенно, я случайно хватаюсь взглядом за этого Андрея. Высокий худощавый блондин, смазливый и явно с дрянным характером, хоть и пытается прикрыться за милой внешностью. Бабы и впрямь дуры, потому что уже с юности их тянет на плохих парней. Значит, вот от этого слюнтяя Саша потеряла голову после поцелуя?

Я искренне хочу уйти, посадить болтливую подругу Саши в машину и трахнуть прямо там, но следя за тем, как этот мальчишка смотрит на Сашу скользким взглядом, вдруг говорю:

– Почему бы и нет, – и отодвигаю стул, предлагая Полине

сесть.

Сам оказываюсь напротив Саши, смотрю на нее, она сидит, вытянувшись, как струна, голова, словно воздушный шарик, тянется вверх, заставляя подниматься подбородок, на тонкой шее часто-часто бьется венка, и я ловлю себя на диком желании провести по ней языком. Какое-то непроходимое блядство.

Саша вытаскивает из-под стола руки и кладет на стол, как примерная ученица, мы снова смотрим друг на друга, и я понимаю, что только что сам подписался на очень непростой вечер.

Даже не могу вспомнить, о чем они говорят, потому что только цежу апельсиновый сок и стараюсь не смотреть на Сашу. Но то и дело чувствую ее взгляд, резкий, словно ножом полоснули. Он так остро скользит по мне, что если бы мог оставлять отметины, я был бы весь исполосован и истекал кровью.

Это сумасшедшее чаепитие кончается как-то разом, Саша, резко поднявшись, говорит, что ей пора домой.

Андрей, явно обескураженный подобным поворотом, что-то мямлит, но она его просто не слышит. Начинает торопливо прощаться, и тут Полина говорит:

– Может, мы ее подвезем, а потом немного покатаемся?

В этих словах нет даже намека, их смысл прозрачен. Саша вцепляется в сумку, ее длинные красивые пальцы белеют. Может, ей плохо? Пожалуй, действительно лучше довести

ее. А этот задохлик сам доберется, не маленький.

Я грубовато отшиваю парня в попытках напроситься в мою машину, и вскоре мы едем в сторону дома Костровых. Полина, назвав адрес, щебечет на переднем сиденье, но я даже не пытаюсь прислушиваться к ее болтовне.

Поглядываю на Сашу в зеркало заднего вида, но она всю дорогу хмурится и смотрит в окно. Когда торможу возле дома, девушка, так же не глядя, буркает:

– Спасибо, – и вылетает из машины пулей.

Я смотрю, как она быстро идет к подъезду. Ее фигура такая тонкая, что, кажется, ветром переломит, почему-то именно сейчас Саша кажется мне такой уязвимой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.